

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№8 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №8 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 72.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Ф. Бекметов</i> ВОСТОК КАК «ЧУЖБИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И.А. ГОНЧАРОВА: О МЕХАНИЗМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОРИЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЯ 1850-Х ГОДОВ	5
--	---

10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>А.У. Киньябулатов, Р.Р. Гареев, Л.М. Нурисламова, А.А. Хазиманова</i> СЛОЖНОСТИ НАПИСАНИЯ СТАТЬИ В БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПО СТАНОВЛЕНИЮ ХИРУРГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	11
<i>С.А. Ларин</i> «ГРАФИН С ВОДОЙ» ИЛИ «БУЛЬОННЫЕ ВАННЫ»? (ИСКУШЕНИЯ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «СИЛЬФИДА»)	14
<i>О.В. Лескова</i> О ПОВЕСТИ П. В. ЗАСОДИМСКОГО «ОТЕЦ И ДОЧЬ»: К 175-ЛЕТИЮ АВТОРА	17
<i>А.Г. Сильчева</i> ЭОНИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ТРИЛОГИИ ДИНЫ РУБИНОЙ «ЛЮДИ ВОЗДУХА»	21
<i>А.А. Хазиманова, А.У. Киньябулатов, Л.М. Нурисламова, Р.Р. Гареев</i> ОСОБЕННОСТИ НАПИСАНИЯ СТАТЕЙ ПО МЕДИЦИНСКИМ НАУКАМ В БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ	24

10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Е.А. Вансяцкая</i> СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ДЕВОЧЕК ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)	27
<i>Р.В. Гатауллина, Л.Г. Чумарова, А.А. Ярхамова</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ НЕПРИЯЗНЬ И НЕНАВИСТЬ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ	30
<i>У.А. Даржа</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОИЗВОДНЫХ НАРЕЧИЙ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА	34
<i>Н.В. Егоршина, Ю.В. Шуйская</i> СТРУКТУРА ТЕКСТОВ В ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	38
<i>Р.М. Иксанова, Р.М. Миндияхметова</i> ЦЕННОСТНЫЙ КОД АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	41
<i>Ю.Н. Карыпкина</i> ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В ПЕРИОД ДВОЕВЕРИЯ НА ПРИМЕРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ БОГ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ JUDGEMENT DAY II	44
<i>Л.Б. Малкарбаева</i> ВВОДНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ПРОЦЕССЕ ВЫРАЖЕНИЯ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	48
<i>М.В. Носкова</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	51
<i>Е.Е. Сафронова</i> РОЛЬ КОНЪЮНКТИВА I ПРИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МАНИФЕСТАЦИИ ИМПЛИЦИТНОГО АВТОРА В ФИКЦИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ	54
<i>Е.Е. Сафронова</i> ЭКСПЛИЦИТНАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЕГО ИМПЛИЦИТНОГО ПРИСУТСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Б. АКУНИНА «АЗАЗЕЛЬ»)	57
<i>А.А. Талицкая, М.В. Шаманова</i> ОБРАЗ ЯРОСЛАВЛЯ В МОЛОДЕЖНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА	60
<i>О.И. Шарифутдинова</i> ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РОССИЙСКОГО ДИСКУРСА ВЛАСТИ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ	63

АННОТАЦИИ	67
------------------	----

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>R.F. Bekmetov</i> THE EAST AS «FOREIGN LAND» IN THE ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF I.A. GONCHAROV: ON MECHANISM OF CONSTRUCTING THE ORIENTAL IMAGE IN WRITER'S PROSE OF 1850s	5
---	---

10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM

<i>A.U. Kinyabulaton, R.R. Gareev, L.M. Nurislamova, A.A. Hazimanova</i> PECULIARITIES OF WRITING THE ARTICLE IN THE BASHKIR ENCYCLOPEDIA FOR THE FORMATION OF SURGERY IN THE REPUBLIC	11
<i>S.A. Larin</i> «THE CARAFE OF WATER» OR «BOUILLON BATHS»? (THE TEMPTATION OF THE HERO IN ODOEVSKY'S NOVEL «SILFIDA»)	14
<i>O.V. Leskova</i> ABOUT THE NOVEL "FATHER AND DAUGHTER" BY P. V. ZASODIMSKY	17
<i>A.G. Silcheva</i> THE EONIC TIME IN THE DINA RUBINA'S TRILOGY "THE AIR PEOPLE"	21
<i>A.A. Hazimanova, A.U. Kinyabulaton, L.M. Nurislamova, R.R. Gareev</i> FEATURES OF WRITENING ARTICLES ON MEDICAL SCIENCES IN THE BASHKIR ENCYCLOPEDIA	24

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

<i>E.A. Vansyatskaya</i> PECULIARITIES OF GIRL-SPEAKERS' NONVERBAL ACTIONS WHILE SHOWING EMOTIONS (BASED ON LITERARY WORKS FOR CHILDREN)	27
<i>R.V. Gataullina, L.G. Chumarova, A.A. Yarkhamova</i> PHRASEOLOGICAL UNITS, CHARACTERIZING THE DISLIKE AND HATRED (ON THE MATERIAL OF GERMAN, ENGLISH, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES)	30
<i>U.A. Darzha</i> THE WORD-FORMING SYSTEM DERIVATIVES ADVERBS OF TUVINIAN LANGUAGE	34
<i>N.V. Egorshina, Yu.V. Shuyskaya</i> THE STRUCTURE OF THE TEXTS IN THE C PART OF UNITED STATE EXAM ON RUSSIAN LANGUAGE	38
<i>R.M. Iksanova, R.M. Mindiakhmetova</i> AXIOLOGICAL CODE OF AMERICAN LINGUOCULTURE IN ADVERTISING DISCOURSE: DIACHRONIC ASPECT	41
<i>Yu.N. Karypkina</i> SPECIFIC FEATURES OF NOMINATION IN THE AGE OF DITHEISM WITH THE REFERENCE TO THE NOUNS WITH THE MEANING OF GOD IN THE OLD ENGLISH POEM JUDGEMENT DAY II	44
<i>L.B. Malkarbaeva</i> PARENTHESES IN THE PROCESS OF EXPRESSING INDIRECT EVIDENTIALITY (ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND TATAR LANGUAGES)	48
<i>M.V. Noskova</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF THE KINSHIP TERMS FUNCTIONING SPECIFICITY IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	51
<i>E.E. Safronova</i> THE ROLE OF KONJUNKTIV I BY GRAMMATICAL MANIFESTATION OF THE IMPLIED AUTHOR IN FICTIONAL TEXT	54
<i>E.E. Safronova</i> EXPLICIT MANIFESTATION OF THE READER AS A VERSION OF ITS IMPLIED PRESENCE (ILLUSTRATED BY THE NOVEL BY B. AKUNIN “AZAZEL”)	57
<i>A.A. Talitskaya, M.V. Shamanova</i> THE IMAGE OF YAROSLAVL IN YOUTH LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE RESIDENTS OF THE REGION	60
<i>O.I. Sharafutdinova</i> VISUAL COMPONENT OF RUSSIAN DISCOURSE OF POWER IN A MEDIATED SOCIETY	63

ABSTRACTS	67
------------------	----

10.01.00

Р.Ф. Бекметов канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Казань, bekmetov@list.ru

**ВОСТОК КАК «ЧУЖБИНА»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И.А. ГОНЧАРОВА:
О МЕХАНИЗМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОРИЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА
В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЯ 1850-Х ГОДОВ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-00056

Восток был объектом авторского внимания И.А. Гончарова. В романе «Обломов», как известно, встречаются ориентальные детали, от хрестоматийного «персидского халата» главного героя до «ароматов Востока», которыми источал батистовый платок Волкова, посетителя съёмной квартиры на Гороховой улице. В очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончаровым весьма подробно описан мир Юго-Восточной Азии, ее экзотический пейзаж и культурные особенности. Эти произведения связаны между собой самым глубоким образом. Задача статьи состояла в том, чтобы понять, в какой мере отражение восточных реалий взаимодействует в гончаровском тексте с концептуально-авторским моделированием Востока, в чем Восток является далекой «чужбиной», а в чем – «хорошо знакомым краем».

Ключевые слова: *И.А. Гончаров, русская литература, «Фрегат “Паллада”», Восток, образная система, анализ.*

Интерес к Востоку в литературно-эстетическом сознании автора «Обломова» возник сравнительно поздно и по времени совпал с периодом индивидуально-художественной зрелости, когда И.А. Гончаров, преодолевая в известной мере приемы «натуральной школы» раннего этапа творчества, закладывал собственный, и притом весьма оригинальный, взгляд на мир.

Эта длительность обращения к Востоку объяснялась несколькими причинами. Назовем две, пожалуй, самые главные.

Во-первых, Гончаров, по вполне единодушному мнению исследователей, – писатель созерцательного, интуитивистского толка. То или иное явление социальной жизни его увлекало, как правило, не в динамике противоречивого становления, а в статике готовой, «отвердевшей» формы, «откристаллизованного», хотя внутренне антиномичного, представления, когда оно обрело черты национальной (шире – архетипической) устойчивости, при которой временное, сиюминутное не подменяет вечного, основополагающего, сущностного. Тот факт, что Гончаров писал медленно, долго, выдерживая хронологическую «дистанцию» между возникновением образа и его оформлением в подчеркнuto ясных и хорошо прорисованных границах, служит неоспоримым свидетельством наличия такого вида мышленческой реакции. Отсюда – Восток, по Гончарову, не просто должен быть описан как реальность объективного плана, его необходимо было тщательно познать, используя арсенал специфических художественных средств для раскрытия философии ориентального бытия – важной части сложно устроенного универсума.

Во-вторых, внимание к Востоку в русском образованном обществе активизировалось на рубеже 1840–1850-х годов (см.: [6, с. 175]). Разумеется, нет никаких сомнений в том, что оно существовало и ранее, «питаясь» двумя основными источниками: автохтонно-русской традицией и опытом западноевропейского романтического филоориентализма. Дело в другом: начиная с 1840-х годов в России складывались и интенсивно развивались школы научно-академического востоковедения, явившиеся своеобразным позитивистским ответом и на запросы просвещенной публики, касавшиеся путей понимания места русской культуры и цивилизации в общемировой панораме («спор западников и славянофилов»), и на социальный (точнее, государственный) заказ, связанный с потребностью установления прочных торгово-экономических связей со странами Востока, идеологического и политического воздействия на них в контексте имперских амбиций и притязаний, борьбы за зоны влияния с европейскими государствами («большая игра»).

В романе «Обломов» (первые замыслы которого, как мы знаем, относятся к 1848–1849 годам) Гончаров попытался осмыслить русского человека в координатах «западно-восточного синтеза» (И.С. Брагинский). «Восток» трактовался им как данность национального характера, в то время как «Запад» мыслился в качестве идеала, в котором надлежало тянуться, сохраняя лучшие, природные свойства «восточной» природы, среди которых – тонкость душевной организация, возможность видеть мир не в жестком прагматизме прямолинейных действий, приносящих пользу и комфорт, а в многомерности глубоких психологических переживаний, раскрывающих человека во всей палитре отношений с социумом. Роман создавался в течение десяти лет, и за этот значительный срок писатель, намеренно отложив работу над текстом «Обломова», успел совершить трехлетнее кругосветное путешествие в составе группы адмирала Е.В. Путятина, отразив впечатления от увиденного в путевых записках «Фрегат “Паллада”». Вместе с тем концепция культурного взаимодействия, появившаяся на основе множественных наблюдений при знакомстве с другими странами и материками, выразила себя и на страницах романа о русском «байбаке», на что вскользь указывал Ю.М. Лошиц. Сам факт откладывания работы над «Обломовым» определялся желанием неспешно измерить русскую культуру в широчайшей перспективе – географической, социально-исторической, феноменологической. По-видимому, имеются некоторые основания полагать, что в действительности Гончаров написал не романную трилогию (с отличительной буквой «о» в названиях каждой «части»), а тетралогию с «ответвлением» одного «раздела», и тогда масштаб подхода к теме гончаровских размышлений должен измениться (см.: [1; 4]).

Речь идет о том, что в своем пределе эти тексты посвящены не только авторской рефлексии о русской судьбе, национальном характере или, допустим, в более частном преломлении («Обыкновенная история») о романтическом мировоззрении, утратившем востребованность в исторически новых условиях, и актуальности преодоления сложившихся стереотипов, объективно присущих отдельно взятым этапам взросления, но и всеобщему, универсальному пути развития человечества («антропологического духа»), встречающемуся во всех культурных системах и доказывающему, в конечном счете, изначальное родство людей при внешних различиях. Именно по этой причине относить «Фрегат “Палладу”» к сочинениям подростково-юношеского чтения неоправданно, хотя уже при жизни автора и на его удивление это взгляд разительно возобладал, настолько, что Гончарову не оставалось ничего иного, как воспользоваться им в практических целях, коммерциализируя книжный товар, извлекая из него гонорарную прибыль (впрочем, заслуженную, трудовую, помноженную на то обстоятельство, что главным произведением жизни и творчества Гончаров считал все-таки книгу путевых очерков, а не «Обломова», как мы теперь).

(Сходный процесс, отметим попутно, коснулся басенных произведений И.А. Крылова с той лишь разницей, что никакой благоприобретенной выгоды поэт для себя тут не извлек, и это было вызвано скромной издательской деятельностью в России конца XVIII века, отсутствием института литературного гонорара, за который ратовал поздний А.С. Пушкин и сделал многое для того, чтобы он стал реальностью отнюдь не фиктивного ряда. Реформируя

басню, делая ее простой по языку и сближая с народно-просторечной формой высказывания, решительно уклоняющейся от образцов, которые принадлежали перу крупных предшественников, Крылов имел в виду прежде всего читателя взрослого, более того – зрелого и подготовленного. На деле, однако, по законам социокультурных предпочтений все произошло наоборот: увлекательная легкость басенного повествования в поэтической оболочке оказалась понятной и близкой детской читательской аудитории, благодаря чему Крылов в расхожем смысле воспринимался, да и воспринимается сегодня, как писатель «детский», а значит... «несерьезный», хотя в советскую эпоху вдумчивые теоретики литературы приложили поистине огромные усилия, чтобы доказать, что детская словесность не уступает взрослой и текст для детей пишется с аналогичными затратами творческой энергии и знания – если, конечно, не больше...).

«Фрегат “Палладу”» обычно рассматривают в этнографическом ключе, что законно, но все же недостаточно. А.Р. Садокова указывала на то, что «знакомая с описаниями стран Востока в основном лишь по переводам с западноевропейских языков русская интеллигенция получила возможность приобщиться к высокохудожественному произведению, написанному по-русски, и не кем-нибудь, а знаменитым уже к тому времени писателем..., чьи “очерки” были не художественным вымыслом, не пересказом чужих впечатлений, а рассказом очевидца» [7, с. 216]. Законность этнографического прочтения детерминируется и самим очерковым жанром, который всесторонне разрабатывался представителями «натуральной школы». Жанр «физиологического» очерка, пришедший из французской литературы, будучи «мобильным», позволял подмечать мельчайшие детали, из которых вырисовывалась общая и, в целом, довольно реалистическая картина, включающая элемент оценки. Вот портретный пример из Гончарова, отдельные штрихи которого встречались в «Хождении за три моря» А. Никитина: «Что за живописный народ индийцы и что за неживописный – китайцы!.. Первые стройны...; у них в походке, в мимике есть какая-то торжественная важность, лень и грация... Грация эта изысканная, неумышленная... Но это идет к ним: торопливость была бы им не к лицу... Вся верхняя часть тела у индийцев обнажена... На бедрах у них род юбки из бумажной синей или красной материи. В ушах серьга непременно, у иных по две, в верхней и нижней части уха... Китайцы светлее индийцев, которые все темно-шоколадного цвета, тогда как те просто смуглы... У многих старческие физиономии, бритые головы, кроме затылка, от которого тянется длинная коса... Морщины и отсутствие усов и бороды делают их чрезвычайно похожими на старух. Ничего мужественного, бодрого. Лица точно вылиты одно в другое» [2, с. 199–200].

Однако следовало бы иметь в виду, что, воспроизводя увиденное, писатель, тем не менее, конструировал действительность, производил ее «выделку», «лепил» как модель, отвечавшую запросам авторского сознания. Другими словами, он не просто отражал реальность по зеркальному принципу, но и всячески пересоздавал ее. В этом плане нельзя не согласиться с точкой зрения Ю.М. Лотмана, согласно которому Гончаров низвергал экзотический элемент в осмыслении далеких культур, переводя описание в плоскость иной, чем это было у романтиков, дихотомии. «Разрушение штампов, – отмечал исследователь, – в антитезе далекое / близкое, чужое / свое, экзотическое / бытовое создает образ общего совместного движения всех культурных пространств Земли от невежества к цивилизации. Отсюда экзотика часто оборачивается некультурностью, а цивилизация – жестоким бессердечием. Эти противопоставления, по мнению Гончарова, должны быть сняты единой моделью, в которой динамика и прогресс положительно противостоят статике. Антитеза романтического Востока и “лишенной поэзии” цивилизации, многократно повторяемая в литературе до Гончарова, заменяется противопоставлением застоя и развития» [5]. О том же писала Е.А. Краснощекова, утверждая, что феномен «обломовщины» мог получить силу внутренней убедительности, лишь благодаря его соотношению с теми явлениями схожего типа, которые Гончаров открыл в чужих странах, на отдаленных континентах [3, с. 47]. Поэтому-то, подчеркнем вновь, опыт «Фрегат “Паллады”» крайне важен для понимания «Обломова». Этот опыт служит контекстом, позволяющим прочесть образ главного героя в

сетке ориентальных (конкретнее – буддийско-даосских) понятий, которые в таком случае выступают в качестве «матрицы анализа», а не просто «текста», выводящего на первый план атрибуты восточного стиля жизни («персидский халат», «длинные, мягкие и широкие туфли», интерьер квартиры на Гороховой, поразительно напоминающий «китайскую комнату» и проч.).

Попробуем в свете сказанного определить вкратце характер соотношения между воспроизводящим и пересоздающим началами в гончаровском описании Востока, когда «чужбина» становится «своей» (и потому она понятна и даже – в идиллической проекции – близка), сохраняя вместе с тем «отчужденность» как выражение отстраненности от идеала (который, напомним, заключался в равновесном единении Запада и Востока, в активном жизнеустройстве, деятельном прагматизме, сочетающимся с душевной глубиной и эмоциональной мягкостью, отсутствием примитивно-грубой черствости, однолинейности).

«Своей» восточная «чужбина» делается в результате принадлежности к миру «Сна», поскольку «Сон» («застой», «неподвижность», «летаргия») – русская категория. И все же это та «чужбина», возвращаться в которую автор совсем не спешит; он находит в ней крохотную «червоточину», которая мгновенно меняет благоприятный настрой, выработанный к «чужбине» и кажущийся поначалу незыблемым. Внешне этот процесс представлен как искажение, «перелицовка» романтико-эстетических шаблонов, их слом в ироническом стиле, внутренне – как попытка примерить «чужое» к «своему» и (затем) отказ от «чужого» во имя «своего», веками проверенного. Так, финал путешествия Гончарова по островам Индонезии во «Фрегате “Паллада”» дан в следующем виде: «Мы плыли дальше по проливу, между влажными, цветущими берегами Явы и Суматры... Природа – нежная артистка здесь. Много любви потратила она на этот... самый роскошный уголок мира... Едешь как будто среди неизмеримых возделанных садов и парков всесветного богача. Страстное, горячее дыхание солнца вечно охраняет эти места от холода и непогоды, а другой деятель, могучая влага, умеряет силу солнца, питает почву, родит нежные плоды и... <многоточие автора! – Р.Б.> убивает человека испарениями. Прощайте, роскошные, влажные берега: дай бог никогда не возвращаться под ваши деревья, под жгучее небо и на болотистые пары! Довольно взглянуть один раз: жарко, и как раз лихорадку схватишь!» [2, с. 195]. Здесь, как видим, в конфликт вступают два суждения: о солнечной неге Юго-Восточной Азии (топос рая) и влажном, с испарениями климате, в котором неприспособленному человеку жить затруднительно. Если первая часть описания могла бы принадлежать Д.М. Ознобишину, в чьем творческом почерке легко обнаруживается страсть к роскоши индийской природы, то вторая – собственно гончаровское видение реальности, ориентированное на прагматику жизненного удобства. С другой стороны, в приведенном фрагменте соединяются едва скрываемые пассажи из описаний среднерусской равнины, которые мы находим в первой части «Обломова», однако существенная подробность («болотистые пары» и «лихорадка») делает эту связь слабой: «чужбина» остается таковой, несмотря на схожесть условий обитания с «родиной», знакомым, семантически обжитым и привычным краем-пространством.

Понятие разумного комфорта было для Гончарова в числе приоритетных, в нем воплощался идеал меры, «золотой середины», «правильного пути», обеспечивающего нормальную стабильность существования. Сквозь призму комфорта оценивает автор «чужбину», не только восточную, но и западную (европейскую), приводя для наглядного примера как факты из современной ему жизни, так и взятые из исторического прошлого. В Сингапуре на заре его торговли с Венецией роскошь бросалась в глаза, и автор предлагает читателю целое размышление, цель которого показать, что безбрежная роскошь есть проявление духовной незрелости человека, знак того, что он находится на «младенческой» стадии сознания, лишен чувства подлинной простоты и мужественности. «Не безумие ли, – восклицал Гончаров, – обедать на... сервизе <в котором располагается блюдо “из птичьих мозгов..., филе из рыбы” за “тысячу золотых монет”. – Р.Б.> какого нет ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имения?» [2, с. 211]. И далее – четкое классифицирующее деление: «Как роскошь есть... уродливое и неестественное уклонение от указанных

природой и разумом потребностей, так комфорт есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетворение этим потребностям» [2, с. 211]. В роскоши заключена мысль о тотальном, абсолютном неравенстве, она – причина и движущий механизм социальных потрясений, о которых Гончаров пишет фигурально, но оттого не менее доказательно (абстрактные понятия в духе XVIII столетия наделяются свойствами живых лиц): «Рядом с роскошью всегда таится невидимый ее враг – нищета, которая сторожит минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедестале: она быстро, в цинических лохмотьях своих, сталкивает царицу, садится на ее престол и гложет великолепные остатки» [2, с. 211].

Гончаров полагал, что границы в торговом обмене между странами должны и будут стираться. В «прогресс», по его мнению, вовлечется весь мир, пользы от него больше, чем вреда. «Задача всемирной торговли, – правомерно считал он, – и состоит в том, чтобы удешевить... предметы, сделать доступными везде и всюду те средства и удобства, к которым человек привык у себя дома... Что было недоступною роскошью для немногих, то, благодаря цивилизации, делается удобным для всех: на севере ананас стоит пять, десять рублей, здесь <в Азии. – Р.Б.> – грош: задача цивилизации – быстро переносить его на север и вогнать в пятак, чтоб вы и я лакомились им» [2, с. 212]. Это касается и продуктов питания, и материальных вещей, и услуг. О последних сказано: «Прочтите описание кругосветного путешествия, совершенного пятьдесят лет назад. Что это было? – пытка! Путешественник проходил сквозь строй лишений, нужд, питался соленым мясом, пил воду, зажав рот; дрался с дикими. А теперь? Вы едва являетесь в порт к индийцам, китайцам, к диким – вас окружают лодки...: прачка-китаец, или индеец, берет ваше тонкое белье, крахмалит, моет, как в Петербурге; является портной, с длинной косой, в кофте и шароварах, показывает образчики сукон, материи, снимает мерку и шьет европейский костюм; съедете на берег – жители не разбегаются в стороны, а встречают толпой, не затем, чтоб драться, а чтоб предложить карету, носилки, проводить в гостиницу. Там тот же мягкий бифштекс, тот же лафит, херес и чистая постель, как в Европе» [2, с. 212–213]. Снова перед нами – разрушение штампов романтической экзотики: мир должен стать большим единым Домом, чтобы можно было, временно находясь на «чужбине», ощущать себя под родным кровом. Правда, если «родное» начало в тексте «Фрегата “Паллады”» отыскивается в «чужом», то оно, естественно, не вызывает особенно пристального внимания, более того – провоцирует подчеркнутую скуку. Малайская мечеть, в отличие от «буддийской кумирни» и «индийского капища», гончаровским героям не кажется привлекательной. «Это я и в Казани видел, – сказал один из моих товарищей, посмотрев на голые стены» [2, с. 214].

(Ныне эта модель глобализации воплощена – правда, не в той форме, которую рисовал в своем воображении Гончаров; границы приобрели сверхразмытый характер, и можно увидеть, как отсутствие тонкого и оправданного баланса между «чужим» и «своим», «далеким» и «близким» сказывается на национальном самочувствии человека, уже не борющегося столь отчаянно за кусок пропитания. Идея неостановимого потребительства подчинила жизнь материальному благу и интересам; национальный элемент, чего еще не было в эпоху Гончарова, хотя дискуссия между «славянофилами» и «западниками» в крайнем полюсе к этому подводила, стал окончательно восприниматься в качестве «консервативного», «охранительного», и значит, «ненужного» правила; между тем глобализация в гончаровском определении предполагала спокойно-стабильный обмен, когда мир покрывает сеть приносящих пользу отношений, интеллектуальных или хозяйственных, а то, что наблюдается сегодня, в силу многих причин – не столько многообразный обмен, сколько монолитное, под эгидой «общего прогресса» навязывание «унификации», одномерного, упрощенного «цивилизаторства». Цветущее динамическое равновесие между культурами Запада и Востока прослеживается не во всем и без всякой последовательности...).

Примеры подобного рода можно умножать.

В итоге, мы приходим к тому выводу, что, отражая восточный мир во всем многообразии, Гончаров подчинил его описание субъективно-авторской мысли, согласно которой «чужбина» и близка, и далека для русского наблюдателя. Ее близость определяется сходством «родовых» черт сознания людей, принадлежащих разным культурам; кроме того, она отнесена к грядущим контактным связям, благодаря неизбежной ускоренности торгово-финансовых отношений («прогресс», «цивилизация», в основе которой лежит христианское миропонимание). Ее далекость же детерминируется сущностными различиями, проявляющимися в климате, верованиях, укладе жизни.

Список литературы

1. *Бекметов Р.Ф.* Роман И.А. Гончарова «Обломов» в свете индо-буддийской традиции (к постановке проблемы) // *Филология и культура. Philology and culture.* – 2014. – № 1 (35). – С. 154–162.
2. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада»: очерки путешествия с двух томах. – Л.: Наука, 1986. – 879 с.
3. *Краснощекова Е.А.* И.А. Гончаров: мир творчества. – СПб.: Пушкинский дом, 1997. – 492с.
4. *Массон В.В.* Путешествие как рефлексия о путешествии («Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова // *Наука о человеке: гуманитарные исследования.* – 2016. – № 2 (24). – С. 22–28.
5. *Лотман Ю.М.* Современность между Востоком и Западом [Электронный ресурс] // URL: <http://www.philology.ru/literature2/lotman-97.htm> (дата обращения: 05.08.2018).
6. *Рустамзода Г.* К вопросу изучения проблемы связи Толстого с Востоком // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2013. – № 6 (24): в 2 частях. – Ч. I. – С. 175–178.
7. *Садокова А.Р.* Япония и японцы во «Фрегате “Паллада”» И.А. Гончарова // *Восток в русской литературе XVIII – начала XX века: знакомство, переводы, восприятие.* – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 216–233.

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10.01.00

А.У. Киньябулатов, Р.Р. Гареев, Л.М. Нурисламова, А.А. Хазиманова

Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru

**СЛОЖНОСТИ НАПИСАНИЯ СТАТЬИ В БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПО
СТАНОВЛЕНИЮ ХИРУРГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН**

Башкирская энциклопедия (БЭ) является универсальным справочным изданием национально-регионального типа, охватывающим все стороны знаний о прошлом и настоящем Башкортостана, о его вкладе в развитие России и мировой цивилизации. Она состоит из 7 томов и включает свыше 17 тыс. статей, треть которых биографические. Из всего объема статей — 12% статей посвящены вопросам медицины и здравоохранения, наибольшие сложности в написании, редактировании, обсуждении и критических замечаний вызвала статья «Хирургия».

Ключевые слова: *региональные энциклопедии, хирургия, справочники.*

В соответствии со стандартом основные виды энциклопедий определяются по ряду признаков. В целях преодоления разных походов в определении видов энциклопедий Государственный комитет Российской Федерации, приказом №15 от 5 февраля 1999 года, ввел в действие государственные стандарты, разработанные Российской книжной палатой [1]. По целевому назначению различают энциклопедии: научные, научно-популярные и популярные. Например, «Башкирская энциклопедия» в 7 томах является научно-популярной по целевому назначению, универсальной по характеру информации, алфавитной по структуре основного текста, полной (большой) по полноте информации, многотомной по способу организации текста. «Башкортостан. Краткая энциклопедия» (первая в новой России, издана в 1996 году) является научно-популярным, универсальным, алфавитным, малым, однотомным изданием.

План написания статьи «Хирургия» был разработан согласно статье «Хирургия» в Краткой энциклопедии Башкортостана. При работе над данной статьей было преимущество в том, что статья, согласно литерам, выходила в последнем 7-м томе, основные разделы хирургии, были проработаны в статьях первых шести томах: «Детская хирургия», «Кардиохирургия», «Нейрохирургия», «Урология» и др., но возникли проблемы, т.к. разделы хирургии (абдоминальная, торакальная, гнойная, миниинвазивная, детская хирургия, кардиохирургия, нейрохирургия, трансплантология и др.) развиты в Башкортостане неравномерно.

Например, в Уфе действуют два научных центра по офтальмологии: Уфимский НИИ глазных болезней и Всероссийский центр глазной и пластической хирургии (более известный в народе, как центр доктора Эрнста Мулдашева), как сравнить достижения этих двух медицинских организаций при написании статей? Если с этимологией всё было понятно изначально — от греч. *cheir* — рука и *ergon* — действие, работа. То с дефиницией пришли к краткому определению: «...область медицины, изучающая хирургические болезни и разрабатывающая приёмы, методы выполнения операций».

Использовали принятую классификацию хирургии в медицине. Различают хирургию: общую, факультетскую, оперативную, госпитальную и военно-полевую. Написание данной статьи требовало соблюдение хронологии в освоении новых методов операций, т.к. в Башкортостане научные исследования в области хирургии начаты в начале 30-х гг. 20 века. в

Башкирском научно-исследовательском физиатрическом институте под рук. Н.И.Савченко [2; с.268] и в 1935 году после создания в Башкирского государственного медицинского института кафедры общей хирургии под рук. И.Д.Аникина [2; с.21] и были посвящены оперативному лечению непроходимости кишечника, зоба, эхинококкоза, злокачественных новообразований, заболеваний желудочно-кишечного тракта (Н.-Г.Н.Байтеряков, И.-Г.Г.Кадыров и др.) [2; с.57, 155].

Период Великой Отечественной войны уместился в 5 строках (трехполостного листа), что крайне мало и недостаточно, несмотря на то, что есть ссылка на статью «Госпитали эвакуационные». Работа в эвакуогоспиталях проводилась не только научно-практическая, но и социологическая, патриотическая, реабилитационная и др. Краткость, не всегда является «сестрой таланта», т.к. в этом абзаце не отражена работа по восстановлению в строй около 200 тысяч солдат и офицеров, а медицинская помощь была оказана почти 300 тысяч больным. Это огромная работа целой армии медицинских работников под руководством опытных врачей, которая соответствовала этапам в лечении и реабилитации военнообязанных. «В 40-е гг. в БГМИ и госпиталях эвакуационных велась работа по совершенствованию оперативного лечения огнестрельных ран, газовой гангрены, раневого сепсиса, травм костно-мышечной системы, головного и спинного мозга и др. (М.В.Борисов, А.А.Полянец и др.)».

В 50—60-е гг. изучались проблемы гнойной, эндокринной, сердечно-сосудистой, торакальной хирургии, травматологии и ортопедии, заболевания печени и желчных путей (У.А.Алексеев, Н.Ф.Воробьев, Н.Г.Гатауллин, Л.Г.Гранов, А.С.-Г.Давлетов, А.К.Шипов и др.) [3]. Особые споры среди членов редакционной коллегии вызвали вопросы алфавитного перечисления учёных-хирургов, зачастую получалось так, что учитель стоял за учеником в этом списке. Очень трудно было выяснить, кто у кого учился, когда профессора были одного возраста и выпуска учебного медицинского вуза. Необходимо было связать достижения анатомов с хирургией: «Анатомо-топографическому обоснованию хирургических вмешательств на органах грудной полости посвящены работы Х.С.Бикмухаметовой и В.М. Романкевича» [3; с.147].

Рассмотрение достижений хирургии по десятилетиям оказалось наиболее продуктивным, чем по хирургической нозологии или видам операций. Ассоциация хирургов Республики Башкортостан в начале 20 века имели за некоторые годы больше патентов на изобретения, чем Ассоциация хирургов Российской Федерации. Поэтому перечисление почти 65 ученых-хирургов, профессоров, было сделано следующим образом: «В 70-е гг. разрабатывались проблемы хирургической гастроэнтерологии, хирургии печени и желчных путей (М.А.-В.Галеев, И.А.Сафин и др.), патологии щитовидной железы (Р.У.Ишмухаметов, И.Г.Рахматуллин), анестезиологии и реаниматологии (Ф.С.Галеев, А.А.Легос, М.В.Туймедов и др.), совершенствовались методы хирургического лечения болезней желудка и 12-перстной кишки (П.Г.Корнилаев и др.), спаечной болезни брюшины, непроходимости кишечника (Н.Г.Гатауллин, Р.З.Латыпов, В.В.Плечев, С.Н.Хунафин и др.), хирургических инфекций в проктологии (В.Г.Сахаутдинов, В.М.Тимербулатов, И.Х.Хидиятов и др.), онкологии (Ш.Х.Ганцев, Н.П.Ников и др.), травматологии и ортопедии (А.Н.Жильцов, В.В.Никитин, А.М.Пенькова), детской хирургии (М.Г.Мавлютова), урологии (Л.П.Крайзельбурд, М.Ф.Сакаева), хирургической стоматологии (Г.Г.Мингазов, С.В.Чуйкин) и др.»

Практически в «одной связке достижений» прозвучала наука «анестезиология и реаниматология», но если проанализировать, то именно благодаря достижениям в этом разделе позволило пролангировать длительность операции, а глубокий наркоз позволил проводить операции в «сложных областях».

С 80-х гг. внедряются в хирургическую практику миниинвазивные методы оперативного лечения больных с заболеваниями органов брюшной полости, микрохирургических операций при лечении колопроктологич. больных (Ф.М.Гайнутдинов, М.М.Мурзанов, В.М. Тимербулатов, А.Г.Хасанов и др.), при хирургическом лечении заболеваний детей (А.А.Гумеров, В.В.Климанов, Ф.Г.Садыков).

В БГМУ совместно с Центром глазной и пластической хирургии разработаны уникальные операции с применением аллопланта (А.А.Бакиров, С.Б.Даутов, Э.Р.Мулдашев, А.Х.Мустафин, М.А.Нартайлаков, В.Н.Павлов, Ш.М.Сафин и др.).

Совершенствуются методы хирургических вмешательств в кардиохирургии, снижения гнойно-септических осложнений в торакальной хирургии (Н.Г.Сибгатуллин, В.А.Сурков, Р.Г.Фатихов и др.), урологии (В.Н.Павлов, А.М.Пушкарёв), гинекологии (В.А. Кулавский, В.А.Пушкарёв, В.Б.Трубин, Т.Б.Трубина, У.Р.Хамадьянов, А.Г.Ящук) и др. Под рук. М.Т.Юлдашева, О.В.Галимова, Б.Ш.Минасова, А.Г.Хасанова разрабатываются новые методы оперативных вмешательств при различных заболеваниях и состояниях. В Башкортостане под руководством В.М. Тимербулатова действует научная школа по разработке высокотехнологичных миниинвазивных методов диагностики и лечения в хирургии органов брюшной полости (Р.М.Гарипов, А.Р. Гильмутдинов, М.С.Кунафин, А.Х.Мустафин, В.М. Сибяев, М.В.Тимербулатов, И.М.Уразбахтин, Р.Р.Фаязов, Р.Р. Шавалеев и др.); функционируют республиканские центры малоинвазивной и эндоскопической хирургии, детской хирургии, кардиохирургии, микрохирургии, гепатологии.

Дискуссия, как наиболее творческая часть медицинской статьи [4] в энциклопедических статьях практических отсутствует, хотя было уместно привести разные точки зрения на актуальные проблемы по хирургии, что непременно дало бы толчок в поиске новых методов лечения.

Выводы:

1) В Башкирской энциклопедии предпринята попытка кратко изложить историю становления хирургии в республике, при этом приводятся 78 фамилий, которые сделали значительный вклад в развитие хирургической науки в стране, но регламент и объем запланированных знаков не позволяют сделать более развернутую картину достижений и проблем в развитии хирургии.

2) Аналогичные региональные энциклопедии испытывали такие же проблемы, как и в Башкирской энциклопедии.

Список литературы

1. Стандарт отрасли. Энциклопедии. Основные виды. Требования к основному тексту, аппарату издания и издательско-полиграфическому оформлению. - М., 1999.
2. *Киньябулатов А.У.* Медики Республики Башкортостан (биографический энциклопедический справочник). Уфа, 2009, 378 с., с илл.
3. Хирургия / М.А.Нартайлаков, В.М.Тимербулатов /. Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 7. Ф—Я / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа : Башк. энцикл., 2011. —С.147-148.
4. *Хисамов А.А.* Как написать медицинскую статью? Структура медицинской статьи / «Злокачественные опухоли», 2016 г., №1 (17) - С.44-47.

10.01.01

С.А. Ларин канд. филол. наук

Воронежский государственный университет,
филологический факультет, кафедра истории и типологии русской и зарубежной литературы,
Воронеж, larin-s@yandex.ru

**«ГРАФИН С ВОДОЙ» ИЛИ «БУЛЬОННЫЕ ВАННЫ»?
(ИСКУШЕНИЯ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «СИЛЬФИДА»)**

В статье рассматривается один из наиболее дискуссионных вопросов поэтики повести В. Ф. Одоевского «Сильфида» – семантика образа заглавной героини. Особое внимание уделяется «гастрономическим» и «водным» мотивам, а также пространственно-временной организации текста. Анализ указанных элементов художественной структуры позволяет раскрыть подлинную сущность Сильфиды, появление которой в доме Михаила Платоновича было инспирировано воздействием темных сил, желающих отвести героя от жизни, погубить его душу и тело.

Ключевые слова: *В.Ф. Одоевский, сильфида, матримониальные мотивы, суицидальное поведение, гастрономическая семантика.*

Издатель записок *благоразумного человека* в финале повести «Сильфида», как известно, отказывается давать оценку произошедшему с Михаилом Платоновичем и предлагает тем, кто познакомился с его историей, самим разобраться в случившемся: «Признаюсь, я ничего не понял в этой истории: не будут ли счастливее читатели?» [8, 126]. Можно (вслед за *опытным* и *ученым* доктором и другими *порядочными* людьми) признать героя *сумасшедшим*, но вовремя спасенным его *благоразумным* приятелем, который не только не позволил Михаилу Платоновичу совершить самоубийство (заморить себя голодом), избавил от *демонопани*'и, но и, как он считает, *осчастливил* безумца, женив на влюбленной в него девушке. Можно согласиться с самим Михаилом Платоновичем (а именно его мнение разделяет большинство ученых), обвинившим своего «спасителя» в *самолюбии* и отвращении от другой, лучшей жизни: «ты дал мне счастье, но не мое: ты ошибся номером» [8, 125]. Однако финал «Сильфиды», а также целый ряд (во многом еще не исследованных) образов и мотивов не позволяет принять ни одной из названных точек зрения. Ведь в конце повести утверждение рассказчика о том, что Михаил Платонович «сделался совершенно порядочным человеком», таким, как *другие* [8, 126], пронизано нескрываемой иронией, а наиболее значимыми среди упомянутых выше, «сигнальных» мотивов являются «водный» и «гастрономический», связанные с главным искушением героя – «потусторонней» красавицей Сильфидой. Ключом к пониманию случившегося с Михаилом Платоновичем, таким образом, становится образ заглавной героини повести – мистического, таинственного существа, природа, а главное, намерения которого до конца повести так и остаются неясными [2, 202–203].

К своему «водному» опыту, обещавшему в случае положительного исхода *обручить* его с одним из *элементарных духов*, герой изначально относится несерьезно, воспринимает его как шутку, как лекарство от сплина [8, 112]. Но не только желание разнообразить свою жизнь заставляет героя начать пить *солнечную воду* и предпринять столь рискованный эксперимент. О настоящей причине Михаил Платонович открыто скажет в VI письме: «любопытность, или, просто сказать, любопытство есть основная моя стихия...» [8, 115]. И здесь же герой подчеркнет, что разговоры с Катей не смогли *заставить* его *забыть* о вазе «с солнечной водой» [8, 115] (предпочтения Михаила Платоновича более чем очевидны). В этом контексте мотивированным становится *приказ* тетушки главного героя «по смерти дядюшки» «запечатать... шкафы» [8, 111] с кабалистическими книгами и никому их не трогать.

Вообще противопоставление «женщина – книги», возникнув в начале повести, оказывается одним из центральных, сюжетообразующих. Михаил Платонович долгое время будет балансировать между стремлением приобщиться к миру духов, познать истину, стать провозвестником нового искусства [4] и желанием «зажить степенным помещиком, поручить жене управление всеми делами, а самому по целым дням молчать и курить трубку» [8, 114]. Закономерно, что определяющим для него станет вопрос о женитьбе, напрямую увязанный с выбором дальнейшего пути: «должно ли еще мне подождать... или просто, как говорится, я уже кончил свой карьер...» [8, 114]. Сам Михаил Платонович решает, что он «предназначен к великому в этой жизни» [8, 117], но друзья вернут его «с небес» «на землю» (как это позже случится с Обломовым и Ковриным [7]), и все попытки «солнечной» возлюбленной «спасти» героя окажутся напрасными.

Изменения образа жизни Михаила Платоновича прямо отразятся на его гастрономических предпочтениях (мотив, с наибольшей интенсивностью реализовавшийся в русской литературе XIX века, в первую очередь, по-видимому, в творчестве И.А. Гончарова и его центральном романе «Обломов» [5; 6]). Начав пить *солнечную воду* и решив окончательно разорвать связь с земным миром, соединив свою жизнь с жизнью «любимого» существа, Михаил Платонович, в конечном счете, вообще отказывается от пищи. Поэтому все усилия доктора и *благоразумного* приятеля будут направлены на пробуждение жизни [9, 355], на *раздражение его чувственности* – с помощью *бульонных ванн, аппетитной микстуры, бульона, отличного лафита, окровавленного ростбифа, бесед о «разгульной молодости»* [8, 124]. О дальнейшей судьбе героя мы узнаем в финале повести: «Он до сих пор употребляет бульонные ванны – они ему очень помогают. Одно только худо: говорят, что он немножко крепко пьет с своими соседями – а иногда даже и без соседей» [8, 126].

Чтобы попасть в «падший» человеческий мир [10, 29–30], Сильфида воспользовалась *хрустальной вазой с водой* (или, по словам Реженского, *графином с водой*) как своеобразным порталом. Однако «материализуется» она не только (и не столько) для того, чтобы *соединиться с избранным* и предназначенным ей *существом, дать ему познание о таинствах природы* – как обещали Михаилу Платоновичу кабалистические книги. Она подчиняет разум и волю героя. Морок, который (подобно сиренам или русалкам [1, 40]) наводит Сильфида на Михаила Платоновича, совершенно лишает его способности трезво оценивать происходящее (одним из показателей чего является утрата иронического взгляда на жизнь, столь характерного для героя в начале повести), влечет к неотвратимой гибели.

Знаменательно, что «воплощение» этой «роковой» обнаженной красавицы происходит незадолго до свадьбы Михаила Платоновича и «совпадает» со временем, по-видимому Великого, *поста* [8, 115] (единственное точное указание на «дату» происходящих в повести событий), а вода, которую регулярно пьет герой, чтобы *войти в сношение с элементарными духами*, и которая фактически становится для него приворотным зельем, будет названа *нечистой* [8, 116]. Так Одоевский предостерегает читателя, не позволяя ему – подобно своему герою – подпасть под чары таинственной потусторонней обольстительницы. А о том, какое влияние на жизнь человека способны оказывать «пришельцы» из иных миров, неуспокоенные души умерших, писатель рассказал в другой, более поздней своей мистической повести «Орлахская крестьянка» – во многом перекликающейся с «Сильфидой» [11, 320–321]. Мотив борьбы за тело и душу главной героини Энхен представлен в этой повести открыто. «Черный человек» и «серая женщина» хотят склонить на свою сторону наивную крестьянскую девушку [3, 124–125] и даже проникают в ее тело, стараясь подчинить своей воле. Причем вселение духов не мотивировано – как в «Сильфиде» – никакими внешними (в том числе гастрономическими) факторами [8, 135–138]. Неслучайно «Орлахская крестьянка» снабжена подзаголовком – «Из цикла “Беснующиеся”».

Как известно, Одоевский был хорошо знаком с разного рода мистическими практиками. Поэтому можно предположить, что в повести «Сильфида» отразилось его отношение к тем, кто только пытается приоткрыть завесу таинственного, стремится овладеть тайными знаниями. Писатель показал, как чрезмерная уверенность в своих силах и отсутствие

необходимой подготовки рождает эгоистическое желание проникать в скрытые от непосвященных тайны, приводят к нарушению определенных запретов, соблюдение которых не только обеспечивает сохранение физического существования и психического здоровья, но и гарантирует защиту от посягательства неподвластных простому человеку сил.

Список литературы

1. *Безуглая С.В.* Проблема космизма в творчестве В.Ф. Одоевского («Косморам», «Сильфида») // Научный поиск. – 2015. – № 3.4. – С. 40–42.
2. *Ботникова А.Б.* Немецкий романтизм: диалог художественных форм. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 340 с.
3. *Гребнева М.П.* Время и пространство в фантастической повести В.Ф. Одоевского «Орлахская крестьянка» // Культура и текст. – 2001. – № 6. – С. 123–127.
4. *Грудкина Т.В.* Феномен двойничества в русской литературе XIX века (В.Ф. Одоевский, А.П. Чехов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Шуя, 2004. – 20 с.
5. *Ларин С.А.* «Водка, пиво и вино...» в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Филологические записки. – 2013. – Т. 31. – С. 50–74.
6. *Ларин С.А.* «И сон, и квас, и русская речь...» (К функции гастрономической семантики в романе И. А. Гончарова «Обломов») // Аспекты литературной антропологии и характерологии. – Воронеж, 2009. – С. 149–158.
7. *Ларин С.А.* Historia morbi: «Обломов» И.А. Гончарова – «Черный монах» А.П. Чехова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 2. – С. 36–39.
8. *Одоевский В.Ф.* Сочинения в двух томах. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 2. Повести. – 1981. – 365 с.
9. *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма: Кн. В.Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. – Т. 1. – Ч. 2. – 479 с.
10. *Скрипник А.В.* Проблема истинности и иллюзорности миражного существования героя («Сильфида» В.Ф. Одоевского и «Опал» И.В. Киреевского) // Сюжетология и сюжетография. – 2016. – № 2. – С. 28–31.
11. *Турьян М.А.* Странная моя судьба: О жизни В.Ф. Одоевского. – М.: Книга, 1991. – 398 с.

10.01.00

О.В. Лескова

БУК Вологодской области «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»,
Вологда, opovarova40@gmail.com

**О ПОВЕСТИ П. В. ЗАСОДИМСКОГО «ОТЕЦ И ДОЧЬ»:
К 175-ЛЕТИЮ АВТОРА**

В работе представлены результаты анализа повести П. В. Засодимского «Отец и дочь», размышления о связи этого мотива с моментами автобиографии писателя. На примере судьбы героини Сары Гальборх П. В. Засодимский делает попытку показать превосходство духовных ценностей над материальными через семейную трагедию, через отношения между родителями и детьми. Мотив бегства из семьи, присутствующий в повести, развивается по классической схеме, которая предполагает разрешение конфликта во время последней встречи отца и дочери через искренность и всепрощение. Повесть «Отец и дочь» продолжает традицию данного мотива, характерного для литературы второй половины XIX века.

Ключевые слова: *мотив, сюжет, повесть, герой.*

Мотив как художественное средство способствует формированию единства текста и является значимой сюжетобразующей единицей. Понятие мотива можно содержательно связать с понятиями «тема», «сюжет» и «герой», как это делает И. В. Силантьев [8]. А. Н. Веселовский неоднократно в своих работах замечает, что мотив – это информация о событии, которое «поразило человеческое сознание и вылилось на страницы художественного произведения» [1, с. 300]. Исследователь утверждает, что существует тесная связь между мотивом как категорией поэтики и реальностью. У мотива бегства из семьи большая социально-психологическая нагрузка: он обусловлен положением героев в обществе, их поведением и яркими эмоциональными переживаниями.

Повесть П. В. Засодимского «Отец и дочь» ранее не становилась объектом внимания литературоведов, хотя неоднократно переиздавалась в начале XX века и пользовалась успехом у читателей. Рассчитанная на подростков, она не вошла в двухтомное собрание сочинений писателя. Единственный печатный отзыв о ней – рецензия в журнале «Русская школа», по которой повесть была допущена к изучению в средних и «низших» учебных заведениях.

Творчество П. В. Засодимского изучалось фрагментарно и поверхностно. В советские годы о нем писали в основном как об авторе «Хроники села Смурина» (В. Гура [3], Г. Ивановский [6], Е. А. Роголина [7]), произведения социально острого, но не самого удачного в художественном отношении. Помимо народнических мотивов в произведениях писателя присутствовали мотивы «частной жизни». Они нашли отражение в произведениях Засодимского для детей. Детские сюжеты автор, в частности, черпал из разговоров со своей матерью, няней, из общения с людьми, чья жизнь проходила в провинциальной глубинке.

В повести можно не только найти пример развития традиционного сюжета, в основе которого лежит мотив бегства из семьи, но и обнаружить доказательства взаимосвязи психологического состояния героев с состоянием души автора повести. В детстве будущий писатель, пристрастившийся к чтению с раннего возраста, эмоционально зависит от настроения своего отца, у которого в кабинете, по мнению Засодимского, находилось главное сокровище дома – большая библиотека. «Я смотрел на этот книжный шкаф, как на некое святилище» [5, с. 13], – делится с читателем герой мемуаров. В общении отец «был как-то холоден, часто недоволен, брюзглив, ворчал на меня, – и поэтому при нем я всегда

чувствовал себя как-то неловко, стеснялся, постоянно ожидая каких-нибудь замечаний или выговора. Мать обыкновенно служила посредницей между мною и отцом» [5, с. 8], – рассуждает автобиографический герой.

В повести «Отец и дочь» прочерчена линия, связанная с семейной проблематикой, с отношениями между отцами и детьми. Мотив бегства из семьи можно назвать определяющим для развития сюжета. Предположительно действие повести разворачивается в Петербурге в 1860-70-е гг. На первом плане – конфликт семейных и общественных ценностей. В художественном мире повести показано бедственное положение народа: люди готовы расстаться с памятными вещами, чтобы прокормить свою семью.

В центре внимания – семья Гальборхов, имя главной героини вынесено в подзаголовок повести – Сара Гальборх. Семья живёт в мрачной квартире на одной из тех улиц, «где ютится мастеровой, рабочий люд и вообще столичная беднота» [4, с. 3]. Еврейка Сара Гальборх – ранимая, искренняя тринадцатилетняя девочка, рано оставшаяся без матери. Нужда заставила главу семьи открыть кассу ссуд. Помещение для «работы» граничило со спальнями отца и Сары, а приемная ссудной кассы «изо дня в день была безмолвной свидетельницей тяжелых житейских драм» [4, с. 7]. Отец Сары, как характеризует его автор, был «самым интересным предметом в этой серой, сумрачной комнате». Его лицо можно было сравнить с «физиономией хищной птицы», а его длинные руки «самою природой были приспособлены к схватыванию добычи» [4, с. 8]. Работу отца, как отмечает автор, Сара не любила, но иногда «ей приходилось бывать свидетельницей очень тяжёлых сцен...» [4, с. 18]. Небольшие истории о том, как люди отдавали ростовщику дорогие вещи, автор описывает с позиции Сары, которая жалеет бедняков. Пожилая женщина, принесшая в кассу начищенный старый кофейник, получает только тридцать копеек, а Сара видит эту сцену «из-за полуотворённой двери кассы» [4, с. 20]. Этим же вечером Сара упоминает за ужином о несправедливости в кассе, и отец строго ворчит на дочь и грозно спрашивает: «А тебе какое дело до неё?» [4, с. 20]. Уже в самом начале повести в отношениях отца и дочери назревает конфликт, который раскрывается через контрастное поведение героев, а также через описание их портретов. Для образа отца Сары выбраны мрачные и серые краски, а его действия мотивируются недоверием не только к посетителям кассы, но и к собственной дочери. Эта оппозиция «отец – дочь» выдержана на протяжении всего сюжета.

В преддверии кульминации повести читатель узнаёт вторую историю, произошедшую в кассе ссуд. История связана со стариком, который принёс отдавать в залог рамку для фотографии покойной жены вместе с карточкой, так как «задняя пластинка не открывалась тридцать шесть лет и заржавела» [4, с. 22]. Девочка вынуждена была вмешаться в торги отца и закладчика, и Гальборх немного добавил за заклад, но после визита старика «напустился на дочь» [4, с. 25]. Сара первый раз в повести открыто характеризует поступок отца. «Ты злой!» – говорит она ему, а отец отвечает только «холодной усмешкой» [4, с. 26]. Бедняки не раз становились темой для разговора отца и дочери после рабочего дня, и чем взрослее становилась Сара, тем тяжелее проходили эти разговоры. Поведение отца-ростовщика становится основополагающим для дальнейших действий дочери, конфликт обостряется.

Переломным моментом в отношениях героев становится случай в кассе в рождественский сочельник, когда Сара, оставшись за отца в кассе, не принимает в залог у посетительницы старое пальто, но самовольно выписывает квитанцию посетительнице на шесть рублей. Автор подробно описывает Сару после сделки: «Её щёки ещё горели от только что пережитого волнения, и тёмные глаза её блестели. Она читала рассеянно, медленно перевертывая листки книги» [4, с. 50]. Разозленный отец, узнав о случившемся, дергает девочку за волосы и сильно толкает ее в плечо, выставляя за дверь. Недоумение девочки сменяется неподдельным испугом. Резкие движения отца противопоставлены оцепенению Сары, бледный цвет лица испуганной девушки контрастирует с налившимся кровью глазами разъяренного ростовщика. Однако здесь приём контраста появляется не только в описании состояния героев, но и в противопоставлении душевного состояния героини и окружающего её мира. После ссоры в комнате главной героини, несмотря на душевную бурю, царит покой

и всё залито лунным светом: «В этом бледно-голубоватом сиянии мерещатся, как призраки, то бюст Пушкина, то вдохновенное, задумчивое лицо Бетховена, то белоснежная Диана с луком в руках» [4, с. 53 – 54]. Ночью героиня решает во что бы то ни стало отдать отцу долг. Сюжетная кульминация повести связана с бегством: если до ссоры девушка лишь иногда думает о своем будущем, то после случившегося точно понимает, что уйдет из дома, при этом решение об уходе сопровождается намерением доказать отцу, что она сможет самостоятельно существовать и зарабатывать на жизнь.

Сару выручает старый друг, Мойша, работник цветочной мастерской по соседству. В повести он является советчиком девочки, связующей нитью между отцом и дочерью. Роль Мойши сопоставима с ролью ряда героев произведений, где присутствует мотив бегства из семьи. Он, как небогатый писатель Иван Петрович в романе «Униженные и оскорблённые» Ф. М. Достоевского, готов помирить отца и дочь. Сравнима с ролью Мойши и роль Женни Гловацкой, подруги Лизы Бахаревой в романе «Некуда» Н. С. Лескова. Мойша для Сары и друг, и соратник, и наперсник, и внимательный слушатель. Но, несмотря на это, между отцом и дочерью появляется непреодолимая пропасть.

Окончив школу, Сара приносит домой золотую медаль, которую отец тут же взвешивает на чаше весов, оценив школьные старания дочери в деньгах: «Не особенно тяжела... Да, конечно честь! Это я понимаю, Сарушка! Рублей десять дать можно...» [4, с. 62]. Это высказывание вновь заставляет Сару задуматься над поведением отца, и она решается на серьезный разговор, цель которого – уговорить отца закрыть кассу. «Жить на эти деньги я не могу. Я ведь знаю, откуда ты их достаешь!» [4, с. 69] – отмечает дочь. Гальборх не готов даже ради дочери отказаться от наживы. После затянувшегося молчания Сара задает вновь свой вопрос и слышит в ответ четкий и решительный ответ: «Делай, как знаешь! Уходи, куда хочешь. Была дочь и нет её» [4, с. 69]. Сара не верит сказанному и пытается доказать отцу: «Есть у тебя дочь! И я готова работать для тебя, я не хотела бы уходить... Я люблю тебя!» [4, с. 69] Гальборх же суров и непоколебим, выходя из комнаты, он повторяет: «Нет у меня дочери» [4, с. 69].

Сцена прощания происходит в кассе ссуд, когда отец, не отрываясь от цифр, сухо бросает дочери слова прощания. После автор описывает состояние старика: «В эти несколько часов он как будто постарел, ослаб и весь как будто опустился. <...> Исчезновение Сары оставило после себя заметную пустоту» [4, с. 77]. Похожее описание присутствует в романе «Униженные и оскорблённые» Ф. М. Достоевского. Портрет Николая Сергеевича Ихменёва, за день состарившегося после разлуки с дочерью Наташей, сходен с портретом Гальборха.

Далее в повести оппозиция «отец – дочь» дополняется оппозицией «дом – бездомность», характерной для мотива бегства из семьи. Сара после ухода из дома находит через знакомых два урока и этим зарабатывает себе на жизнь. Очередным переломным моментом в повествовании становится надвигающаяся ранняя и холодная зима. Мойша в одном из вечерних разговоров с отцом Сары намекает на бедственное положение дочери, которая не может приобрести себе зимнюю одежду. Старик, сославшись на неразумность людей, завершает разговор с Мойшей, а сам не находит места после его визита, восклицая: «Это он насчет её. Это он насчет того, что у неё тёплого пальто нет! <...> Сама виновата! Я ведь её не гнал... Сама отвернулась от меня... Ну и пусть... И пусть!» [4, с. 84]. Резкие слова Гальборха противоречат поведению: он «чувствует, как старческое сердце его начинает тревожно биться, <...> сердце ноет – болит» [4, с. 85]. В полузабытьи старику кажется, как его дочь идет «куда-то в ночном мраке, <...> холодный дождь хлещет её, холодный ветер <...> рвёт и треплет её платье» [4, с. 85]. Наутро ростовщик узнаёт адрес Сары и видит её издали такой же, как в своём видении. Теперь мысли Гальборха направлены только на то, чтобы помочь дочери: «Захворай, заболей она – его сердце разорвётся от печали» [4, с. 90]. Автор добавляет в сюжет ещё одну деталь – письмо Сары для отца с шестью рублями долга и накопившимися за эти годы процентами – всего десять рублей ассигнацией. Письмо дочери заканчивалось словом «прощай», от которого веяло «могильным холодом» [4, с. 95]. Детализация, которую предусмотрел автор, тоже является одним из приёмов

мелодраматизма, позволяет более полно представить ситуацию. Гальборха мучает бессонница, он собирается, как только наступит утро, «пойти к ней, поговорить с нею так, что она сжалится над ним, не потребует он него невозможного, не потребует жертв сверх сил» [4, с. 96]. Однако с наступлением утра «публика стала являться в ”кассу” [4, с. 96], в конторке забренчали деньги, и мысли Семёна Абрамовича приняли совершенно другое направление» [4, с. 96]. Отец решает не торопить события и только вечером отправляется в Глухой переулок к дочери, но ни в этот вечер, ни во второй, ни в пятый встречи не состоялось – Сара не выходила из дома. Утром отец узнаёт от друга Мойши, что его дочь тяжело больна. На съёмной квартире подтверждают: «Да... кажется, дело худо. Бредит, говорят, часто, значит, не в себе бывает. Ефимовна сказывала, что подружка её уж больно плачет... выйдет к ней в кухню и ну реветь... “Ой, говорит, хозяйюшка! Видно, она помрёт!”» [4, с. 99] У кровати спящей дочери Семён Абрамович не может удержаться от крика ужаса: Сара похожа на «загнанное животное», а её отец – на изваяние, на лице которого «застыло болезненное скорбное выражение» [4, с. 101]. Надрывный кашель пугает отца, он словно «прирос к месту» [4, с. 102] и не может сдвинуться. Ещё две бессонные ночи он проводит у кровати дочери, и, забывшись под утро, чувствует, как на него падает похолодевшая рука Сары. Автор заключает: «Рассвет, взойдет солнце, наступит день, но солнечный луч уже не пробудит ее от этого сна. Всё кончено для Сары» [4, с. 117].

В повести есть эпилог, в котором, согласно развитию мелодраматического сюжета, герой меняется. Теперь ростовщик уже не держит кассу, живёт бедно, а все деньги жертвует детским приютам [4, с. 119], как всегда хотела Сара. От дочери у Гальборха осталась небольшая шкатулка, где среди её вещей лежит нетронутая десятирублёвая ассигнация и две монетки с глаз покойной.

Повесть «Отец и дочь» П. В. Засодимского традиционна для своей эпохи. Мотив бегства из семьи играет важную роль в развитии действия. Сара показана как светлая, чувствительная и милосердная героиня. В повести остро проявляется конфликт семейного и общественного, материальной наживы и духовного благородства. В его развитии автор использует мелодраматические средства, направленные на то, чтобы вызвать читательское сочувствие, нравственный отклик. Социальных и психологических сложностей автор избегает, поскольку предназначает свое произведение для юных читателей, еще не имеющих достаточного опыта знакомства с литературой, погружающей в глубины общественных отношений и в тайники внутреннего мира личности. Но в повести есть отчетливо выраженная установка на воспитательное воздействие, на приобщение юных душ к таким ценностям, как добро, сочувствие и справедливость.

Список литературы

1. *Веселовский, А. Н.* Поэтика сюжетов // *А. Н. Веселовский Историческая поэтика.* – М., 1989.
2. *Гоголь, Н. В.* Собр. соч.: в 9 т. / *Н. В. Гоголь.* – М., 1994. – Т. 5.
3. *Гура, В. В.* Русские писатели в Вологодской области. – Вологда, 1951.
4. *Засодимский, П. В.* Отец и дочь (Сара Гальборх). – Изд. 4. – М., 1912.
5. *Засодимский, П. В.* Из воспоминаний. – М., 1908.
6. *Ивановский, Г., Фрумкин, Л. П.* Засодимский на Новгородской земле. – Л., 1974
7. *Рогалина, Е.А.* Засодимский Павел Владимирович / *Отечественная история. Энциклопедия.* – Т.1. – М., 1996.
8. *Силантьев, И. В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике Текст: очерк историографии / *И. В. Силантьев.* – Новосибирск, 1999.

10.01.01

А.Г. Сильчева

Институт Международного Права и Экономики имени А.С. Грибоедова,
факультет журналистики, кафедра истории журналистики и литературы,
Москва, alinka-krasulka@mail.ru

ЭОНИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ТРИЛОГИИ ДИНЫ РУБИНОЙ «ЛЮДИ ВОЗДУХА»

Статья посвящена рассмотрению новой категории в литературоведении - зона (эонического времени) на примере романов Дины Рубиной "Синдром Петрушки", "Белая голубка Кордовы", "Почерк Леонардо". Отличительная черта эонического времени - в одновременном существовании нескольких временных пластов в произведении, что позволяет говорить о магическом реализме Д. Рубиной.

Ключевые слова: реализм, Рубина, эон, категория времени.

Термин «эон» и его производное прилагательное «эонический» восходят к христианской концепции, сформулированной преп. Максимом Исповедником, который понимал «эон» как «свернутое» время, одновременное симультанное совершение всех событий мировой истории, которое существовало до сотворения мира [3, 233]. В практике литературоведения термин «эонический» впервые был использован Л.Г. Кихней применительно к концепции времени у акмеистов: «В онтологической поэтике акмеистов эоническое время реализуется в разных формах интертекста (цитатах, реминисценциях, аллюзиях, парафрастических элементах), при этом интертекстуальные тождества обретают гносеологические функции. Поиски «исторических рифм», мифологических аналогий, изоморфного сходства ситуаций на разных «текстовых уровнях» природы и культуры становится способом объяснения настоящего и угадывания будущего. Ведь прошлое, в эоническом континууме, уже содержит в себе настоящее и будущее» [1, 104-105; 8, 29-59]. Эоническое время – одновременное присутствие планов прошлого, настоящего и будущего и их соединение в «панхронический пучок» просматривается в таких произведениях акмеистов, как «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева, «Стихи о неизвестном солдате» О.Э. Мандельштама, «Поэма без героя» А.А. Ахматовой и других. Представляется оправданным распространение концепции эонического времени в литературном произведении и на другие тексты, в частности – на произведения Дины Рубиной. Три романа, объединенные в трилогию «Люди воздуха», - «Почерк Леонардо» (2008), «Белая голубка Кордовы» (2009) и «Синдром Петрушки» (2010), подразумевают соединение настоящего, прошлого и будущего в одном временном плане.

Во всех трех романах нет последовательного хронологического повествования: детские воспоминания героев перемежают рассказ об их взрослой жизни. Все три главных героя – Анна Нестеренко, Захар Кордовин и Петр Уксусов – провели свое детство в городах Украины: соответственно Киев, Винница и Львов, и детские воспоминания продолжают играть важную роль в их взрослой жизни. Так, роман «Почерк Леонардо» состоит из перемежающихся монологов двух возлюбленных Анны – циркового гимнаста-канатоходца Владимира Стрелецкого и музыканта Сени, каждый из которых, в свою очередь ударяется в воспоминания о своем детстве – и повествования от третьего лица, рассказывающего о жизни Анны. Повествование в одном из планов часто обрывается, уступая место другому, что дает читателю возможность со временем «сложить пазл» из трех различных пластов и проследить историю героини от начала до конца. При этом рассказ Стрелецкого фактически разворачивается уже через несколько лет после таинственного исчезновения Анны, к этому же времени относится одно из писем Сени, а основная линия повествования развивается от детства Анны к ее взрослой жизни, также постоянно перемежаясь переключениями между различными временными пластами, воспоминаниями и отступлениями от хронологии.

«Белая голубка Кордовы» также построена на переключении двух планов: история Захара Кордовина, эксперта в области живописи, профессора и художника, перемежается его воспоминаниями о детстве в Виннице, причем к его собственным воспоминаниям присоединяются воспоминания матери Риты, которая настолько ярко и выразительно показывала различных героев своего детства, что ее сын даже не может определить, какие из его воспоминаний относятся к его собственному детству, а какие – к детству его матери. Помимо воспоминаний из Винницы, присутствуют и воспоминания о блокадном Ленинграде, о жизни девочки Жуки (Фанни Захаровны) – тети главного героя. При этом в «Белой голубке Кордовы» углублен план прошлого: если в «Почерке Леонардо» обращение к далекому прошлому присутствует лишь в виде отсылок к Леонардо и другим обладателям «зеркального почерка», то во втором романе трилогии уже есть генеалогия рода Кордовера-Кордовиных-Кордовес. В конце романа Захар Кордовин уже назван «одинадцатым в своем роду доном Саккариасом Кордовера», и история его семьи прослеживается как минимум до XVI столетия (примерное время жизни художника Кордоверы) и даже до VI века до н.э., когда был обретен «удел» рода Кордовера. Обращение к плану прошлого позволяет одновременно и провидеть план будущего: повторяющиеся судьбы представителей рода дают возможность предсказать и абрис жизни новорожденных сыновей героя, о которых сообщается в последних строках романа (Рубина здесь по сути дела повторяет акмеистическую формулу умирания-воскрешения героя, культивируемую, в частности, в стихах Ахматовой) [2, 27-35]. Связь с прошлым, тема судьбы рода, повторяющейся в его отдельных представителях, развивается и в «Синдроме Петрушки», одной из ключевых фраз которого является «вереница огненноволосых женщин в погоне за беременным идолом» – слова, сказанные в бреду умирающим отцом Лизы, затем повторенные профессором Вацлавом Раттом. На жене главного героя, Лизе, лежит родовое проклятие: некогда ее предки были прокляты отцом обесчещенной дочери, и после этого все мальчики в семье рождаются с синдромом Ангельмана, или «синдромом Петрушки», а девочки являются единственными продолжательницами рода. Выбранная автором манера повествования позволяет говорить об одновременном эническом присутствии прошлого, настоящего и будущего: в каждом романе присутствует «свернутое время»: персонажи из разных пластов времени существуют в одном плане. Так, в «Белой голубке Кордовы» несколько раз упоминается о сходстве Захара Кордовина с его дедом (также носившим имя Захар Кордовин), и в некоторых случаях он перевоплощается в своего деда: «Смотри: вот я – это он. Я – твой папа. ... Его предупредили об аресте, я это сейчас узнал. И он уже все решил и хочет спасти семью и спасти картины. Смотри на меня! Я – папа... Вот я снимаю их со стен... вынимаю из рам... снимаю холсты с подрамников... долго, обстоятельно, методично упаковываю – ведь он был аккуратным и предусмотрительным человеком. ... Куда он их сложил? Жука! Смотри на меня! Куда! Я! Их! Сложил?!» [4, 458]. Их пугающее сходство обозначается автором как «они были – близнецы, разлученные во времени» [4, 467]. Такими же мистическими повторениями изобилует и жизненная история Лизы: она является двойником и собственной матери, и собственной тети, и «вереницы женщин», своих предков и предшественниц, и угадывающихся будущих девочек, подверженных той же самой жизненной истории. Эническое время романов Рубиной подразумевает одновременное присутствие и реальность всех персонажей, а нелинейное развитие истории персонажей подчеркивает их константность и «свернутость»: в Лизе-женщине присутствует и Лиза-девочка, и мать Яня, и даже огненноволосая куколка из брюха «беременного идола» Корчмаря. То же можно сказать и о Кордовине, который тождественен и своему деду, и художнику Кордовере из круга Эль Греко, и другим представителям рода.

Тождества предкам и потомкам нет лишь в истории Анны из «Почерка Леонардо», которая не имеет обширной генеалогии: она усыновленная сирота, об ее предках известно немного (впрочем, по слухам она является внучкой знаменитого Вольфа Мессинга), детей она также не оставляет, и проследить ее судьбу в поколениях не удастся. Однако Анна имеет «зеркального двойника» Элизера – человека, который также обладал способностью писать

«зеркальным почерком», увлекался оптикой и технологией изготовления зеркал. В сознании Анны существует зеркало, позволяющее ей видеть будущее, что в итоге приводит к формированию репутации ведьмы после нескольких предсказаний.

В каждом романе Рубиной присутствует некий предмет, заключающий в себе тайны прошлого и будущего, подобно борхесовскому Алефу. Этот предмет неразрывно связан с главным героем, является его атрибутом, и автор подчеркивает, что именно главный герой видит в этом предмете то, чего не видят другие. Для Анны таким предметом являются зеркала, позволяющие ей видеть прошлое и будущее, запоминать и предсказывать. Для Захара этим предметом являются картины, причем та главная картина, которая является основой детективной интриги романа, - «Венера» Рубенса, - сама по себе эонична: «Это характерно для Рубенса – нарушение физических световых законов. У него пейзаж освещен местами с одной, местами с другой стороны... Одни деревья освещены справа, другие – слева... - Он фиксировал освещение не данной минуты, а целого дня. Бесконечно длящийся сон Венеры...» [4, 437]

В этом диалоге проявляется разница подхода к картине коллекционера со стажем, который, тем не менее, не понимает магии картины – фиксации всего времени дня сразу – и начинающего художника, который, несмотря на значительно меньшую эрудированность, мгновенно улавливает замысел автора и понимает, что «ошибки» Рубенса не случайны, а являются частью авторской идеи. Атрибутом Петра Уксусова из «Синдрома Петрушки» являются куклы, которых он оживляет в ходе кукольных спектаклей и изготавливает сам. Примечательно, что несмотря на наличие в романе двух главных героев – Петра и Лизы – воспоминания есть только у Петра, Лиза лишь спорадически обращается к своему прошлому, что имеет свое закономерное объяснение: с самого детства Петр воспринимает Лизу как свою «главную куклу», и несмотря на ее отчаянные попытки доказать, что она – живая женщина, он продолжает видеть ее лишь прекрасной куклой, а вместе с ним супругу так воспринимают и читатели романа.

Объединение трех романов в трилогию основано не только на общности главных героев – людей, наделенных необычными способностями. Общей для трех крупных произведений является и концепция времени, воспринимающегося как одновременное, панхроническое течение событий, в котором новое событие не стирает старого, а наслаивается на него, образуя эон. Следы такого онтологического восприятия времени присутствуют и в более ранних романах Рубиной, в том числе и при обращении к ее собственным воспоминаниям, однако наиболее ярко эоническое время проявляет себя именно в «Людах воздуха».

Список литературы

1. Кихней Л.Г. Мифологическая семантика умирания и воскрешения в стихах Ахматовой 1930-50-х годов // Творчество А.Ахматовой и Н. Гумилева в контексте поэзии XX века. Тверь: ТГУ, 2004. С. 27-39.
2. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Осип Манделштам: философия слова и поэтическая семантика / Монография М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. – 200 с.
3. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. – М.: Центр «СЭИ», 1991.
4. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. – М.: издательство "Э", 2008. – 624 с.
5. Рубина Д. Почерк Леонардо. – М.: Эксмо, 2008. – 464 с.
6. Рубина Д. Синдром Петрушки. – М.: издательство "Э", 2017. – 512 с.
7. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки: мифопоэтика прозы Дины Рубиной. – СПб, 2012. – 400 с.
7. Kikhney L. Эоническое и апокалиптическое время в поэтике акмеизма // Le temps dans la poésie acméiste. Lyon, Lyon III-CESAL, 2010. P. 29-59.

10.01.00

А.А. Хазиманова, А.У. Киньябулатов, Л.М. Нурисламова, Р.Р. Гареев

Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии, кафедра общественного
здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ НАПИСАНИЯ СТАТЕЙ ПО МЕДИЦИНСКИМ НАУКАМ В БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

После выхода в 1996 году первой региональной энциклопедии («Краткая энциклопедия Башкортостана») в Российской Федерации появилась необходимость координации редакционной работы при написании статей по медицинским наукам в 7-томном издании Башкирской энциклопедии (2005—2011 гг.), которые необходимо учитывать на начальной этапе подготовки региональных энциклопедических изданий.

Ключевые слова: Большая медицинская энциклопедия, медицинский энциклопедический справочник, Башкирская энциклопедия.

В 2019 году Республика Башкортостан (Башкирская АССР) будет отмечать 100-летие своего образования в составе РСФСР. Первая автономная республика из 20-ти, которые входили в состав РСФСР, в советский период. В 1996 году вышла в свет первая региональная энциклопедия «Краткая энциклопедия Башкортостана» на русском языке [1], которая затем была переведена на башкирский язык. Своеобразным итогом работы редакции химии и медицины стал первичный архив, который требовалось дополнить и сверить с архивными данными. Возникло много вопросов о написании достижений в той или иной медицинской науке. Не секрет, что многие ученые (профессора, доценты, краеведы и др.) не всегда обладают достоверными сведениями о дате проведения исследований, операций, не всегда пользовались архивными справками, тем более не сопоставляли их с архивными справками в Государственных архивах других регионов Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья. Недостаточно активно велась переписка с архивами, краеведами в соседних регионах (Республика Татарстан, Удмуртская республика, Оренбургская, Свердловская, Челябинская области, Пермский край), где проживали и проживают коренные жители республики. Поэтому возникли фактические ошибки, например, в статье «Здравоохранение» в Краткой энциклопедии Башкортостана их более 20, а также не соответствие текстовых данных с приведенной в статье таблицами. Краткая энциклопедия Башкортостана в 1995—1996 гг. печаталась в Испании, тогда в республике не было соответствующего оборудования для цветной печати (Институт Татарской энциклопедии свой первый энциклопедический словарь печатали в Англии). На тот период возникали трудности с работой Интернета — не все историки, краеведы, историки медицины в начале 20 века имели данный информационный ресурс в свободном пользовании. Практически никто из научных редакторов редакции химии и медицины не были в аналогичных энциклопедических издательствах в Российской Федерации и не обменивались первым опытом своей работы, не проводили семинары и личные встречи в гг. Москва, Казань, Чебоксары и др.

Все статьи по медицинским наукам (67) распределились следующим образом: в 1 томе (5) были включены статьи: Аллергология, Анатомия, Анестезиология и реаниматология, Бальнеотерапия, Биохимия; во 2 томе (16) — Валеология, Вирусология, Витаминология, Гастроэнтерология, Гематология, Геронтология, Гигиена, Гирудотерапия, Гистология, Гомеопатия, Гормонотерапия, Деонтология, Дерматовенерология, Дерматоглифика, Детская хирургия, Диетотерапия; в 3 томе (6) — Здравоохранение, Земская медицина, Иммунология, Кардиохирургия, Кумысолечение, Курортология; в 4 томе (7) — Лечебная физкультура,

Медицина, Народная медицина, Неврология, Нейрохирургия, Неонатология, Нефрология; в 5 томе (13) — Онкология, Оториноларингология, Офтальмология, Патологическая анатомия, Патологическая физиология, Педиатрия, Пластическая хирургия, Психиатрия, Психодиагностика, Психотерапия, Психофизиология, Пульмонология, Ревматология; в 6 томе (10) — Стоматология, Судебная медицина, Терапия, Токсикология, Травматология и ортопедия, Традиционная медицина, Трансплантология, Трансфузиология, Трудотерапия, Урология; в 7 томе (10) — Фармакогнозия, Фармакология, Физиология, Физиотерапия, Фтизиатрия, Химиотерапия, Хирургия, Эмбриология, Эндокринология, Эпидемиология [2].

Академик РАН и РАН Андрей Михайлович Сточик, который имел многолетний опыт работы в Научном издательства «Медицинская энциклопедия», предупреждал в 2000 году сотрудников Башкирской энциклопедии о сложностях при написании энциклопедических статей по медицинским наукам, т.к. «...Медицина наука одна, которая имеет свои разделы, области, составные части, поэтому при написании статей необходимо руководствоваться разработанные методическими рекомендациями Научного издательства «Медицинская энциклопедия». Поэтому изначально было определено общее количество статей по медицинским наукам (67 статей), которые будут представлены в многотомном издании, было рассчитано условное количество знаков 2.000—2.500— 3000. Ввиду того, что многие названия соединений, лекарственных препаратов, операций включают большое количество знаков, то изложение достижений и названия темы исследований естественно увеличивало объем статей, таких как Биохимия, Вирусология, Онкология, Фармакология и др. В таких случаях редакция контроля разрешало незначительно увеличивать количество в статье до 3.000 знаков, но при этом необходимо было сохранить смысловое и практическое значение для пользователей энциклопедии. Сокращения в статье научных направлений исследований той или иной кафедры вызывало у авторов (соавторов) большое возмущение, особенно когда профессора переключались из одной медицинской науки в другую, например, профессора А.С.Ванесян (Инфекционные болезни — Психология), С.М.Мочалов (Физиология — Философия) и др. [3]. На научно-методическом совете издательства были утверждены планы написания статей по медицинским наукам, которые были розданы всем авторам и соавторам с обязательным пояснением задачи и цели написания энциклопедических статей с обязательным добавлением регионального компонента (достижений, научного вклада соотечественников в центральных НИИ и за рубежом, приведение статистических данных для подтверждения успехов в развитии некоторых направлений практического здравоохранения). Большие трудности возникли при написании 1 тома у всего издательства, в основном из-за работы редакции контроля, которая физически не успевала проверить все приведенные сведения. Поэтому при работе над 2 томе была кардинально изменена схема прохождения статей по всем этапам написания, редактирования, рецензирования, были назначены ответственные за направления по наукам. Если на первых порах присутствовала шаблонность подачи текстов, то специально были заказаны статьи сразу по всем семи томам Башкирской энциклопедии, что позволило соединить в соавторстве сразу несколько авторов, особенно по большим статьям: Здравоохранение, Медицина, Хирургия и др., и учесть некоторые региональные особенности развития наук по десятилетиям.

Изначально статьи с региональной особенностью были Кумысолечение, Курортология, Народная медицина, Традиционная медицина, написание которых требовало глубоких познаний в истории родного края, а также краеведении. Научным редакторам пришлось обратиться в Управление по делам архивов Республики Башкортостан, поднять тома 18—начала 20 вв. в Государственном историческом архиве и Государственном архиве общественных организаций, Башкирском государственном медицинском университете и др., данная работа была крайне необходима, т.к. некоторые авторы краеведческих сборников опубликовали непроверенные факты, ориентируясь на воспоминания ветеранов. История становления и развития Башкирского государственного медицинского университета, который в 2017 году отметил свое 85-летие, уступает Казанскому государственному медицинскому университету, который в 2013 году отметил свое 200-летие, поэтому развитие

медицинских наук пришлось в основном на советский период здравоохранения. Хирургия, Терапия и др. статьи необходимо было связать с развитием материально-технической базы здравоохранения республики, поэтому статья Медицина и Здравоохранения должны были связаться между собой дополняя друг друга, что было достигнуто, когда история была представлена в разрезе исчисления десятилетиями и основными этапами (довоенный, Великая Отечественная война, послевоенный период, новый российский период, 21 век). В ходе написания возникла необходимость создания «внутренних» редакционных справочников по названиям НИИ, вузов, средних медицинских учебных заведений, а также медицинских организаций, поэтому для пришлось вновь обратиться к архивным документам. При написании названия и дефиниции использовали вторую страницу Устава медицинских организаций, где приводилось их полное и сокращенное название.

Особое значение имел опыт работы медицинских организаций, находящихся в эвакуации в Башкирской АССР в 1941—1945 гг., в том числе центральных НИИ, учреждений Академии наук Украинской ССР и др. К 100-летию Республики Башкортостан Министерство здравоохранения РБ приняло решение о выпуске 3 энциклопедических изданий с учетом опыта работы над многотомным изданием Башкирской энциклопедии [4].

Выводы:

- 1) Наибольшие трудности в написании статей Медицина и Здравоохранение, которые стали базисными статьями при написании статей по медицинским наукам.
- 2) Написание статей с наибольшим региональным компонентом Кумысолечение, Курортология, Народная медицина, Традиционная медицина, требует совместной работы с историками и краеведами.

Список литературы

1. Башкортостан. Краткая энциклопедия. - Уфа: Научное издательство "Башкирская энциклопедия", 1996. 672 с., илл.
2. Башкирская энциклопедия в 7 томах. 2005-2011. Уфа: НИ «Башкирская энциклопедия».
3. *Киньябулатов А.У.* Медики Республики Башкортостан (биографич. энциклопед. справочник). Уфа, 2009, 378 с., с илл.
4. Приказ №2007-Д от 19.07.2018 Министерства здравоохранения Республики Башкортостан «Об утверждении плана организационных мероприятий по подготовке и проведению 100-летия здравоохранения Республики Башкортостан».

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10.02.19

Е.А. Вансяцкая

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
факультет романо-германской филологии, кафедра английского языка

**СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ДЕВОЧЕК
ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

В статье рассматриваются специфические невербальные действия, характерные для коммуникантов-девочек в ситуациях эмоционального общения. Отмечаются особенности данной разновидности невербального поведения младших школьников. Примеры взяты из англоязычной литературы для детей.

Ключевые слова: *специфические невербальные действия, коммуникант-девочка, эмоциональное общение, невербальное поведение младших школьников, англоязычная литература для детей.*

Художественная литература на английском языке предоставляет собой богатый материал о различных формах поведения коммуникантов-детей. Наряду со словесными формами выражения своих чувств и переживаний, дети используют весь спектр невербальных компонентов коммуникации (жесты, мимика, пантомимика и др.), которые иногда более правдивы, чем слова [3]. Невербальное поведение детей представляется интересным не только с точки зрения психологии и педагогики, но и позиций лингвистического описания данных проявлений. Ф.И.Карташкова отмечает, что основными видами невербального поведения человека являются контролируемые невербальные компоненты коммуникации, психофизиологические реакции человека (неконтролируемые, произвольные), а также разнообразные невербальные действия, характер которых весьма специфичен [2, с. 108].

Так как контролируемые невербальные компоненты (НВК), а также психофизиологические реакции (ПФР) рассматривались нами ранее [1], наиболее интересным и перспективным представляется изучение и описание специфических невербальных действий. Первое, на что стоит обратить внимание, это их перечень. Но до настоящего времени они тщательно не изучались. Поэтому перед нами стоит задача – определить наиболее частотные специфические НВК в невербальном поведении девочек. Методом сплошной выборки нами были проанализированы отрывки из англоязычных произведений для детей, в которых героини совершают определенные действия, испытывая при этом различные эмоциональные реакции (ЭР).

Начнем анализ с рассмотрения отрицательных ЭР, так как девочки младшего школьного возраста чаще испытывают именно их.

1. “What does your club do?” asked another blonde.

“What do you think?” I replied testily. “We baby-sit.”

“How cute,” said the blonde with the curls.

The others giggled.

“Nice outfit,” called the one non-blonde, putting her hands on her hips.

I blushed. Too bad I’d chosen the jeans with the hole in the knee that day.

If there’s one thing to be said about me, it’s that I have a big mouth. <...> So I put my hands on my hips and said, “Your outfits are nice, too. You look like clones. Snob clones.”

Luckily, just at that moment, my bus finally pulled up. I chose a seat on the side of the bus facing the girls. I lowered my window. “Good-bye, snobs.” I shouted.

“Bye, jerk-face,” the curly-haired blond replied.

I stuck my tongue out at her, and then the bus turned a corner and they were gone from sight [7, с.10-11].

Героиня по имени Кристи организовала клуб нянь, в котором она работает вместе со своими подружками. Переехав в богатый район, она не предполагает, что это может не понравиться ее соседкам, о чем они ей сообщают. При этом девочки проявляют отрицательную ЭР, что выражается на вербальном и невербальном уровнях. Они смеются над Кристи, при этом использована глагольная номинация «to giggle», которая согласно словарной дефиниции негативно окрашена и передает эмоцию недовольства – «to laugh quickly, quietly, and in a high voice, because something is funny or because you are nervous or embarrassed» [5]. Кроме этого, употребляется отрицательно коннотированное существительное «jerk-face». И в довершение всего коммуникант 2 использует специфическое невербальное действие «to put one’s hands on one’s hips». Необходимо отметить, что сначала Кристи смущена и испытывает ПФР покраснения «I blushed», так как в тот день надела джинсы с дыркой на коленке. Но она быстро собирается и не дает себя в обиду, совершая зеркальные действия как на вербальном, так и на невербальном уровне. Кристи использует по отношению к девочкам номинации негативной направленности «You look like clones. Snob clones». Так же, как одна из них, упирает руки в бока, демонстрируя свое недовольство, и показывает им язык. Последняя номинация носит крайне негативный характер, что подтверждает ее словарная дефиниция – «to move your tongue quickly out of your mouth as an insult» [6]. Можно считать, что коммуникант 1 при помощи комплекса ВК и НВК одержала победу над более богатыми сверстницами.

2. “Well,” said Stacey when Mrs. Delaney had left, “let’s get the room in shape. Then we can go outside.”

“If you want to go outside, then clean it yourself,” said Amanda. “We like it messy.” She stood back, folded her arms, and glared at Stacey. Max imitated her.

Stacey was prepared for something like that. She pretended to gaze around the room. Then she said seriously, “You know, you’re right. I like a really messy room. In fact, I don’t think this room is messy enough. Look at this. A whole set of Lincoln Logs. They’re not even on the floor.” Stacey poured the Lincoln Logs into the toy soup.

“Hey,” cried Amanda. “What do you think you’re doing?”

“Yeah! What are you doing?” added Max.

“You said you like a messy room,” Stacey replied. “Well, I do, too.” She picked up a stack of construction paper and let it start floating to the floor, piece by piece.

“Quit messing up our room!” shouted Amanda. She held her arms stiffly at her sides and stamped her foot [7, с.80-81].

Макс и Аманда достаточно избалованные дети, поэтому, когда их няня Стейси предлагает им убраться в комнате перед выходом на прогулку, это вызывает их протест. Аманда использует три НВК разного типа: проксемное «to stand back», пантомимическое «to fold arms», а также миремическое действие, связанное с взглядом говорящего, «to glare». Они дополняют друг друга и выражают гнев. Тогда коммуникант 1 идет на хитрость и начитает разбрасывать мусор в детской комнате, что также не нравится коммуниканту 2. Для выражения недовольства и возмущения она использует НВК фонационного типа «to shout», а также совершает два специфических действия: она упирает руки в бока и топает ногой. Данные действия представлены номинациями «to hold the arms stiffly at the sides» и «to stamp the foot». В первом случае словосочетание имеет нейтральный характер, но осложненное наречием «stiffly» со значением «in a formal way that is not friendly or relaxed» [6], оно приобретает отрицательное значение. Вторая номинация – крайне негативна, что подтверждается ее словарным значением – «to put your foot down hard and noisily on the ground because you are angry» [6]. Таким образом, действия однонаправлены и выражают отрицательную ЭР недовольства.

3. Mom sat at the edge of my bed and picked up one of the papers. “You’d really like to go to this, wouldn’t you, Janey?”

I nodded and nibbled on the ribbon at the neck of my nightgown. It had salty, chewed-on-before taste [4, с.20].

Из экстралингвистического контекста известно, что девочка Джени очень хочет сходить на школьное мероприятие, которое предполагает ночевку вне дома. Но она очень боится темноты. Коммуникант 1, ее мама, старается найти выход из сложившейся ситуации. Задав ей вопрос о ее желании сходить на этот вечер, она не получает вербального ответа: девочка лишком взволнована, чтобы сказать об этом. В тексте использован комплекс из НВК жестового характера с номинацией «to nod», которая выражает согласие, и специфическое действие «to nibble on the ribbon». То, что это характерное для девочки действие, подтверждает описание завязки ночной сорочки «chewed-on-before taste». Именно оно выражает истинный характер ЭР, испытываемой героиней, – ее страх от того, что она не сможет, как ее одноклассники, участвовать в книжном шоу.

Наряду с отрицательными ЭР, коммуниканты-девочки испытывают эмоции положительной направленности. Но примеров проявления школьницами этих эмоций крайне мало. Можно предположить, что испытывая положительные чувства и настроения героини художественных произведений имеют в своем арсенале ПФР, а также НВК различных видов, не используя при этом специфические действия.

Проведя анализ отрывков из произведений англоязычной прозы для детей, мы пришли к выводу, что девочки младшего школьного возраста выражают ЭР непосредственно, имея в своем распоряжении специфические невербальные действия (наряду с ПФР и НВК различных видов). Их использование дает коммуникантам возможность богаче и ярче выразить свои переживания, особенно отрицательной направленности. Можно предположить, что постепенно в процессе социализации, эти специфические действия исчезают, уступая место своду этикетных правил поведения определенной лингвокультуры.

Список литературы

1. Вансяцкая Е.А. Эмоции в невербальном поведении детей (на материале англоязычных художественных текстов). – Иваново: ЛИСТОС, 2016. – 162 с.
2. Карташкова Ф.И. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в англоязычном художественном тексте // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 3 (21). – С. 108-113.
3. Самигулина Ф.Г., Данюшина Л.А. Детский дискурс как лингвокогнитивный феномен. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. – 204 с.
4. Bunting E. Sixth-Grade Sleepover. – NY: Scholastic Inc., 1989. – 112 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 08.05.2018).
6. Macmillan English Dictionary Online. URL: <http://www.macmillandictionaries.com> (дата обращения: 08.05.2018).
7. Martin A. Kristy and the Snobs. – NY: Scholastic Inc., 1996. – 145 p.

10.02.04

**Р.В. Гатауллина¹ канд. филол. наук; Л.Г. Чумарова² канд. педагог. наук;
А.А. Ярхамова¹ канд. педагог. наук**

¹Казанский государственный аграрный университет, г. Казань

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
rosa-5@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ НЕПРИЯЗНЬ И НЕНАВИСТЬ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Авторы исследуют фразеологические единицы, описывающие неприязнь и ненависть, как вербализации враждебной агрессии на фразеологическом уровне. В статье рассматривается компонентный состав, образность и семантические особенности ФЕ, характеризующих неприязнь и ненависть на примере двух генетически родственных германских и двух разноструктурных языков, как немецкий, английский, русский и татарский языки. В статье представлены межъязыковые соответствия исследуемых фразеологизмов.

Ключевые слова: *германские языки, образность, фразеологические единицы, сема, фразео-семантическая группа, межъязыковые соответствия.*

Актуальность исследуемой проблемы. Выбор объектом исследования ФЕ, обозначающих неприязнь и ненависть обусловлен их недостаточной изученностью в немецком, английском, русском и татарском языках. Взаимодействие языков германской группы и разно системных языков в русле нового психолингвистического направления представляется большой интерес в условиях, расширения границ общения между носителями разных языков.

Цель исследования - это изучить семантические особенности ФЕ, описывающих неприязнь и ненависть, определить фразеологические соответствия среди ФЕ немецкого, английского, русского, татарского языков.

Объектом нашего исследования явились фразеологизмы, описывающие неприязнь и ненависть в немецком, английском, русском и татарском языках. Изучение взаимодействия генетически родственных германских языков и разно системных языков в русле психолингвистического направления является актуальным в условиях.

Материал и методика исследований. В работе были использованы фразеологические словари по немецкому, английскому, русскому и татарскому языкам, а также исследования зарубежных и отечественных ученых в области фразеологии. Отечественными филологами проделана большая работа по изучению фразеологии германской группы языков. Вопросам английской фразеологии посвящены работы А.В. Кунина [5]; вопросы взаимодействия фразеологии немецкого и русского языков исследовались в работах А.Д. Райхштейна [6]. Проблеме исследования фразеологических единиц татарского языка посвящены исследования Г.Х. Ахунзянова [2], вопросам сопоставительного исследования ФЕ посвящены работы Е.Ф. Арсентьевой [1,12,13], Ф.С. Сафиуллиной [8]. Фразео семантическое поле агрессии личности на примере английского языка исследовано в работе Шишко М.В.[10].

Результаты исследований и их обсуждение. Возможность распределения фразеологизмов по тематическому признаку в фразе семантические группы отражает существование в объективной реальности групп предметов и явлений окружающего мира. Под фразеосемантической группой понимается «совокупность фразеологических единиц, образующих тематический ряд и покрывающих определённую область знаний внутри множества языковых единиц» [7]. Изучение ФЕ в рамках фразе семантической группы

позволяет определить общий сигнификативно-денотативный компонент значения ФЕ, определить их отличительные особенности.

В толковом словаре С. И. Ожегова определение агрессии выводится из враждебности и неприязни, как «открытая неприязнь, вызывающая враждебность» [9, 274]. В литературе такие переживания как неприязнь и ненависть рассматриваются как форма проявления прямой агрессии, как враждебная агрессивность. О семантической близости этих переживаний свидетельствует тот факт, что их определения выводятся одно из другого. Неприязнь рассматривается как недоброжелательное, враждебное чувство к кому-либо, чему-либо; нерасположение [9]. Ненависть рассматривается как чувство сильнейшей вражды, неприязни [9]. Психологи считают, что в состоянии агрессии человек может проявлять неприязнь, не стремясь при этом к столкновению и физической агрессии. Агрессивное поведение, является способом психологической разрядки, средством достижения определенных целей или способом самореализации. По определению Л. Берковиц, агрессия — это «некоторый вид поведения, физического либо символического намерения причинить вред кому-то другому» [3,32]. К. Хорни полагает, что тревога и враждебность неразрывно «переплетены», «вытесненная враждебность порождает в человеке тревогу», иногда «оба эти переживания взаимно усиливают друг друга» и, как результат, «у одних людей возникает досада или раздражительность, другие могут испытывать чувство неприязни, доходящей до ненависти, негодования и недовольства». [4].

Выражение неприязни можно изучить по фразеологическим единицам немецкого, английского, русского, татарского языков. [5,8,11,12].

Следует сказать, что ФЕ, описывающие неприязнь в исследуемых языках, имеют различную образную основу, что обусловлено различными возможностями образного переосмысления и отражения на уровне языка.

«*Kollege Ritter, Sie sind meinem Stellvertreter von vornherein nicht grün, weil Sie selbst mein Nachfolger werden wollten*». (H.A. Langer) (нем.)

«*She conceived such a violent dislike on her husband that if he came into her room it caused her haemorrhage*». (D. H. Lawrence) (англ.)

«*Не люблю я их, мужиков, душа не лежит*», - говорил Морозка, плавно покачиваясь в седле». (А.А.Фадеев). (русс.)

Использование в контексте двух ФЕ: *борчак пеимәү*, и *сөйкемсез сөяк булу*, продиктовано стилистическими целями усиления интенсивности.

«*Әллә үги ананың бүтән сөйкемсез сөяге булганмы – нилектән дер аларның үги кыз белән борчаклары пеимәгән*». (Ш. Маннур)

При исследовании анализ ФЕ проводился на основе их идентификации в лексикографических справочниках, наличия общих интегральных схем в их семантике. Как показывает анализ, ФЕ со схожей образностью и компонентно-лексемным составом не выявлено. Образный стержень этих ФЕ строится на описании неприятных ощущений во рту, например: (j-n/ etw) *in Magen haben* (нем.), *to leave a bad /nosty/ taste in (one`s) the mouth* (англ.), *хуже горькой, как горькая редька, навязнуть в зубах* (русс), или в немецкой ФЕ с компонентом “нос” и в английском языке с компонентом “сердце”: (нем.) *seine Nase gefällt mir nicht, (j-m) paßt/ gefällt (jmds) Nase nicht*; (англ.) *(one`s) heart is not in it, not to be after (one`s) heart*. Неприязнь и ненависть проявляются в мимике или, когда человек делает малоконтролируемые телодвижения, которые и могли стать образной основой для переосмысления следующих ФЕ: (etw. / jmdn) *nicht ersehen können, (jmdn) nicht riechen/ schmecken können* (нем); *stink in (one`s) nostrils, give (smb) a pain in the ass bite (one`s) glove* (англ.), *повернуться спиной* (русс.), *бит кайту, манауны бору* (татар.). Среди исследуемых ФЕ в татарском языке представлены ФЕ, с лексемой «душа», в татарском языке «жан», «күңел», в немецком языке с лексемой «смысл» или «вкус», «Sinn» или «Geschmack», например ФЕ: *душа не принимает, (кто-либо) не по душе, душа не лежит (к кому-либо), хуже горькой (кому-либо), жан бизү, күңелгә бармый, жанына якын булмау, (etw) ist nicht nach (j-s) Sinn/ Geschmack*. Чувство неприязни также характеризуют следующие ФЕ: (j-n) *am*

lieben von hinten sehen, (j-m) nicht nach der Mütze sein, (нем.); be out of one`s line, be out of love, take a dislike to (smb), (англ); в подметки не годится, гроша медного не стоит, (русс.), угу иту, сөйкемсез сөяк булу, ихлас кайту(татар.) и др.

Проявление ненависти характеризуют ФЕ *Gischt und Strudel sein (нем.); hate (smb.) like poison, hate (one`s) gut (англ), всеми печёнками (ненавидеть), как кошка с собакой. (русс.), күңелне кайтару, эжен белән бер күрү (татар.)*

«...die Verwandten der Herzogin sahen grün und blau vor Wut und Verachtung aus, man wetterte von den Kanzeln gegen ihn, verweigerte ihm das Abendmahl, das ganze Land war Gischt und Strudel». (L. Feuchtwanger)

«...hate each other like poison, of course. Take my advice. Keep clear of them». (R. Aldington)

«Портниха Марья Афанасьевна, всеми печёнками ненавидевшая Ольгу Вячеславовну, называла её «клеймёная». (А. Н. Толстой)

«Бу хал бригаданың үсешенә ярдам итми, киресенчә, бораучыларның күңелләрен кайтара иде». (Г. Ахунов).

Яркая образность, а также наличие в составе фразеологизма таких лексем как «Haß», «hassen», «Blut», «Pest», «Sünde», «guts», «poison», «дух», «собака и кошка», «свет невзвидеть», «нәфрәт уты», придают этим фразеологизмам интенсивность, подчёркивая отрицательную оценочность следующих ФЕ:

(etw./j-n) wie Pest /Sünde hassen, (etw. /j-n) bis aufs Blut hassen, Haß feiert Orgien, hate (smb`s) gut, (j-n/ etw) nicht mit der Zange anfassen mögen (нем);

hate (smb. /smth) like poison, lead a cat-and-dog existence, be at (deadly) feud with (smb), hold in abhorrence, take an aversion (англ.);

(кто-л) духу (кого-л) не терпит, света невзвидеть, любит как собака палку, с души воротит, (кто-л) духу (кого-л) не терпит, всеми фибрами души как кошка с собакой, пылать/ исполняться ненавистью (русс.);

нәфрәт уты белән яну /карау, күңелне кайтару/ болгату (татар)/

Описание ненависти, как как вторжение злой, враждебной силы стало отправной точкой в образности ФЕ с лексемами «devil», «черт», «пәри», «эжен»: *hate as devil hates holy water, love (smb/smth) as devil loves holy water, бежать от (кого) как черт от ладана, , пәриләр туры килмәү, эжен/ пәри шикелле күрү. В результате проведенного анализа компонентного состава и образности ФЕ были выделены следующие межъязыковые соответствия, которые представлены по мере нарастания чувства неприязни и ненависти.*

Общий семантический знаменатель – что-либо/кто-либо не нравится

(etw) ist nicht nach (j-s) Sinn Geschmack – one`s heart goes out for /to (smb) not to be after one`s heart – эжанына якын булмау - (кто-л) не по душе и др.

Общий семантический знаменатель – что-либо/кто-либо неприятны кому

1. (j-d) hat für (etw) nicht viel übrig - be out of one`s line - күңелгә бармау - душа не принимает. 2. (j-n) am liebsten von hinten sehen - give (smb) a pain in the ass - сөйкемсез сөяк булу - (кто-л) ни гроша не стоит и др.

Общий семантический знаменатель – испытывать ненависть к кому-л

1. (etw./j-n) wie Pest /Sünde hassen- hate as devil hates holy water -пәри /эжен шикелле күрү - бежать от (кого) как черт от ладана.

2. (etw. /j-n) bis aufs Blut hassen - hate (smb`s) guts- пәрие сөймәү -навязнуть в зубах

3 Haß feiert Orgien - hold in abhorrence - нәфрәт уты белән яну /карау - сгорать от ненависти, (пылать/ исполняться ненавистью) и др.

Выводы Анализ фразеологизмов, описывающих неприязнь и ненависть как проявление враждебной агрессии, показал, что ФЕ в исследуемых языках характеризуются различиями в компонентно-лексемном составе, в образности и структурно-грамматической организации, что обусловлено разно системностью привлеченных языков, сигнификативно-денотативный компонент значения ФЕ характеризуется сходством. Национальная индивидуальность метафоры исследуемых ФЕ является причиной различий фразеологических образов, наличие ФЕ с соматическими лексемами обусловлено их способностью метафоризации.

Список литературы

1. *Арсентьева Е.Ф.* Русско-английский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием / Е. Ф. Арсентьева. – Казань: Хэтер, 1999. – 318 с.
2. *Ахунзянов Г.Х.* Идиомы: (исследование на материале татар. яз.): дис. ... д-ра филол. наук / Г. Х. Ахунзянов; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1973. – 484 с.
3. *Берковиц Л.* Агрессия: причины последствия и контроль: секреты причин насилия, мотивов убийств, гнева, враждебности, ненависти, разрушения, предрасположенности личности к насилию: [пер. с англ.] / – СПб.: Прайм-Еврознак: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 510 с.
4. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб.: Прайм-Еврознак. – М.: ОЛМА-Пресс, 2004. – 666 с.
5. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Изд. дом «Дрофа», 1998. – 512 с.
6. *Райхштейн А.Д.* Лексика и фразеология немецкого языка / А. Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1981. – 143 с.
7. *Розенталь Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
8. *Сафиуллина Ф.С.* Татарча-русча фразеологик сүзлек/ Ф. С. Сафиуллина. – Казан: Мэгариф нәшр. 2001. – 335 б.
9. Толковый словарь русского языка Ожегова С., под ред. Скворцова Л., М.: Оникс, 2010. – 736 с.
10. *Шишко М.В.* Фразеосемантическое поле агрессии личности в английском языке: дис. ... канд. филол. наук/ М.В. Шишко, Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова. - Москва, 2008. – 173 с.
11. Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext von Prof. Dr. Hans Schemann Dresden Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung. – 865 s.
12. Online Russian-English Phraseological Dictionary: Presentation of Synonyms and Collocations / E. Arsenteva, A. Kaiumova // Life beyond Dictionaries: мат-лы юбилейной X Межд. Школы-семинара, Иваново «Флоренция 12–14 сент. 2013 г.». – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 376–379.
13. *Arsenteva E., Nurullova A.* Phraseological units with onomatopoeic components in English and German. Life Science Journal, 2014; 11(5): 465–468. (ISSN:1097-8135)

10.02.02

У.А. Даржа канд. филол. наук

Тувинский государственный университет,
филологический факультет, кафедра русского языка и литературы,
Кызыл, urana-63@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОИЗВОДНЫХ НАРЕЧИЙ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается словообразовательная система производных наречий тувинского языка. По своей структуре производные наречия тувинского языка, как и в других языках, делятся на непроизводные и производные. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что словообразовательные элементы тувинских производных наречий по своей сложности не уступают системе остальных частей речи и имеют свои специфические наречные средства.

Ключевые слова: словообразовательная система; тувинский язык; производные наречия; мотивирующая основа, адвербиализация, словообразовательные аффиксы.

В грамматических описаниях тувинского, как и других тюркских языков, наречие, прочно занимает место особой части речи или класса слов, отдельной от существительных, прилагательных и глаголов. Подобная самостоятельность наречия обеспечивается совокупностью семантических, морфологических и синтаксических критериев.

Наречия в разных тюркских языках, с примерами, показывающими наличие среди них различных лексико-семантических групп, и опытами морфологического анализа слов, подвергшихся адвербиализации, описаны в разные периоды (А.К. Боровков 1936; Н.К. Дмитриев 1962; Н.К. Дыренкова 1948; В.М. Насилов 1940; Л.Н. Харитонов 1943; А. Искаков 1950; Э.В. Севортян 1955; А.Н. Кононов 1956; З.З. Абсалямов 1981; А.М. Щербак 1987; Л.С. Э.В. Левитская 1988; И.В. Шенцова 1999; Э.З. Гасайнаева 2002; Л.Х. Киштикova 2004; З.Х. Трамова 2006; А.А. Шибанов 2011 и др.). В составе многих тюркских наречий находятся падежные или деепричастные аффиксы, которые за небольшими исключениями продолжают функционировать в составе существительного и глагола как показатели их словоизменительных категорий. В ряде случаев такие морфологические показатели перестают функционировать в парадигме исконной части речи, оставаясь лишь в составе омертвевших наречных образований, и иногда воспринимаются как собственно наречные. На этом основании известный тюрколог А.М. Щербак возразил исследователям наречия в узбекском, киргизском, ногайском, уйгурском, башкирском языках: «Существование специфических наречных словообразовательных аффиксов является иллюзией» [4, с. 5].

Наречие в тувинском языке относится к неизученной до конца категории. Монографических исследований, посвященных наречиям, в тувинском языкознании нет. Наречия с той или иной степенью полноты описываются в соответствующих разделах грамматики, в учебниках и учебных пособиях по тувинскому языку и в ряде статей (Н.Ф. Катанов; М.Д. Биче-оол, Ф.Г. Исхаков; К.Х. Оргу; Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах; Н.И. Летягина; Я.Ш. Хертек; Ш.Ч. Сат, Е.Б. Салзынмаа; Д.А. Монгуш; К.Б. Куулар; У.А. Даржа; А.А. Сюрюн).

Следовательно, изучение словообразовательной структуры наречия в тувинском языке является актуальной лингвистической задачей. Цель статьи – описать словообразовательную особенность производных наречий тувинского языка. Научная новизна исследования вытекает из сформулированных цели и задач и заключается в том, что на основе анализа фактического материала представлен комплексный обзор наречного словообразования в тувинском языке. Практический материал извлечен из классических литературных произведений тувинских писателей [5-8, 10-11] и «Тувинско-русского словаря» [9].

Не беря на себя ответственность за положение наречия в других языках, осмелимся, вслед за авторитетными тувиноведами (Ф.Г. Исхаковым, А.А. Пальмбахом, В.И. Рассадиным, Б.И. Татаринцевым, Ш.Ч. Сатом, Е.Б. Салзынмаа, К.Б. Куулар) утверждать, что в тувинском языке специфические наречные словообразовательные средства все же есть. В современном тувинском языке наречную лексику можно разделить с точки зрения словообразования и происхождения на непроемные и произмные.

Произмные наречия представляют собой многочисленную и разнообразную группу лексем, которые возникли на базе другого слова и являются по отношению к непроемному слову вторичными. Произмными, как известно, считаются такие наречия, в которых в современном языке можно вычленить словообразовательные аффиксы, а также сложные наречия, образованные с помощью двух или более основ:

1. Основа + аффикс *-дыр* с фонетическими вариантами *-дир//*

-дур// -дур// -тыр// -тир// -тур// -тур. Исходными структурами, с которыми соотносительны эти образования и которые должны восприниматься как производящие для наречий на *-дыр*, являются глагольные основы различного морфологического строения – односложные и многосложные, беззалоговые и осложненные различными залоговыми показателями, а также основы прилагательных и наречий. Например: а) глагольная основа: *Тонунуң иитинде бир-ле чүве дөртөйтир астып алган* (Кудажы). ‘Что-то **вздуть** повесил под пальто’. *Кадырының бажын терең сиген аразынче шымындыр киир супкаш...* (Даржай). ‘Засунул, **погрузив** кончик косы, в высокую траву’; б) именная основа) прилагательное, наречие: *Чараштыр бижшир* ‘**красиво** писать’; в) звуко-образоподражательные слово (простое или составное): *...аар чүктүг тергезин коңгурадыр чортуп үнүпкен* (Кудажы). ‘...медленно пошла, **грохоча** тяжелой телегой’. *...дазылдары безин чер иитинден арзайтыр-корзайтыр иштунгулай бергилээн* (К.-Лопсан). ‘... корни из-под земли **щербато** высунулись’. *Арзайтыр-корзайтыр* – парное наречие, компоненты по своим значениям являются синонимами и выражают одно понятие «щербато».

2. Произмные с аффиксом *-кы-ла-и-тыр* с фонетическими вариантами *-ки-ле-и-тир // -ку-ла-и-тыр // -кү-ле-и-тир; -гы-лаш-тыр //*

-ги-ле-и-тир // -гу-ла-и-тыр // -гү-ле-и-тир также принимает активное участие в процессе образования наречий. Мотивирующими классами слов являются разные части речи, причем продуктивность аффикса здесь неодинакова. 3.1. качественные наречия, образованные от основ имен существительных, со значением: а) уподобление человеку, его имени: *Кара-Сугга Саваар-оолгулаштыр, арыг мегелээнивиске иде бодап каттырыштывыс* (Б.Донгак). ‘Чисто обманув, **как Саваар-оол** на Кара-Суге, посмеялись’; б) уподобление роду человеческой деятельности: *Лапчар орун баарында сандайга эмчигилештир олурупкаш, ...* (Кудажы). ‘Лапчар **подобно врачу**, сев на стул возле кровати, ...’; в) уподобление частям тела: *Башкылаштыр* ‘подобно голове, вершине, верхушке, макушке, кончику, началу; как голова, вершина, верхушка, макушка, кончик, начало’; г) уподобление животным, птицам: *Ыткылаштыр ээрип, ... тура хонган* (Бадра). ‘Всю ночь пролаял **по-собачьи** (букв. подобно собаке; словно собака),...’; в) уподобление различным предметам и вещам: *Сөөскеннер ак сорулдагылаштыр дошталы берген ...* (Кудажы). ‘... **беломундштучно** (подобно белым мундштукам) заледеневшие головки таволги’; д) уподобление, сравнение с природой: *Адазы суггулаштыр куткаш, ...* (Кудажы). ‘...отец налив, **как воду**, ...’. 3.2. качественные наречия, образованные от основ местоимений, со значением уподобления различным предметам без его называния: *бискилештир* ‘как мы, подобно нам’; 3.3. качественные наречия, образованные от количественных числительных, со значением ‘подобно, схоже со стольком-то/столькими- то’: *дөрткүлештир* ‘подобно четырёх’ от *дөрт* ‘четыре’; *үшкүлештир* ‘подобно трем’ от *үш* ‘три’. Анализ языкового материала показывает, что функционирование в тувинском языке данных типов наречий возможно, но в речи они практически не реализуются.

Таким образом, для современного тувинского языка, в отличие от других тюркских языков, характерны собственные наречные аффиксы

-дыр//... и **-кылаштыр**//..., которые являются наиболее продуктивными из аффиксальных форм.

3. Один из продуктивных способ образования наречий в современном тувинском языке, аналитическая форма производного глагола с *кыл*- мотивирована: а) качественным именем прилагательным: ... *дөрт даваннарын бөле базыпкаш, кударанчыг кылдыр алгыржып эгелээр* (Кудажы). ‘...начнут **тоскливо** кричать, кучно наступив четырьмя ногами’; б) составная форма качественного имени прилагательного: *Дуруяалар далбий хевирлиг кылды₁ сүррүтир₂ чыскаалыпкан* (Кудажы). ‘Журавли **клиновидно₁ остроконечно₂** выстроились’; в) качественное имя прилагательное: ... *ааржылыг далганны оглунга кевигзимээр кылдыр былгааш*... (А.Ондар). ... **суховато** намешала толченную из жаренного ячменя муку с ааржы... ; г) сложный глагол, мотивированный деепричастием: *Ылап кылдыр* ‘точно, верно, правильно, основательно’ (качественное наречие, со значением оценки действия); д) звуко- и образоподражательные слова: *Кошкар-оол хирт кылдыр хая көрнүп келгеш*, ... (Кудажы). ‘Кошкар-оол, **резко** обернувшись, ...’. *Хирт кылдыр* – качественное наречие, характеризующее манеру или способ совершения действия, зависящее от воли его субъекта; е) фразеологические единицы с образным значением: ... *уруглары кара шаар кылдыр чыглы хонуп кээр* (Тока). ‘... дети с аалов собираются (быстро) **многочисленно**’; ж) повторы и парные слова: ..., *менче кадыг-кадыг кылдыр көргүлээш*... (Тока). ‘..., **строго-строго** посмотрев на меня...’; з) количественные числительные (малопродуктивный способ): ... *ховуну бир кылдыр ээргииштедип турупкан* (Чулдум). ‘... стал обскакивать **всю** (букв. за раз) степь вкруговую’.

Описывая в большинстве своем предмет через характерный для того или иного его действия звуковой или зрительный образ, звуко-образоподражательные слова грамматически ближе всего стоят к наречиям. Возникновение подобного рода наречий вызвано спецификой живой разговорной речи. Однако в современном тувинском языке, употребляясь в типичной для наречия синтаксической функции, получает черты «навязанные этой ролью»: значения признак признака или признак действия путем примыкания непосредственно к глаголу или другому наречию. Окациональная адвербиализация, проявляющаяся в строго определенных синтаксических условиях, словно бы «одевает маску» наречия на истинное лицо звукоподражания как части речи, и маска эта бесследно исчезает вне подобного синтаксического употребления.

Имеет место и явление морфологической членимости наречий – падежные и деепричастные аффиксы, а также сочетания различного рода знаменательных слов (существительных, местоимений) со служебными словами и частицами (полусловами-полуаффиксами). Однако, как показывает семантико-грамматический анализ подобных случаев, падежная или деепричастная аффиксация, служебные слова и т.д., – является способом образования словоформ имени существительного, глагола, а не наречия. Наречие в таких случаях получается путем изоляции единичной формы имени или глагола, выхода ее из именной или глагольной парадигмы и семантико-грамматического переосмысления такой формы в качестве неизменяемого слова с обстоятельственным (а не предметным, процессуальным и т.д.) значением. В целом, это составляет содержание процесса конверсии.

Словообразовательная конверсия затрагивает не только косвенные формы слов, но и слова в основной, номинативной форме, – речь идет, как говорилось выше, о существительных и прилагательных. Часто остается без внимания, что и в этом случае изолируется и конвертируется тоже лишь форма слова, (а не все слово со всей его парадигмой), причем форма эта не косвенная, а прямая. Важнейшей составной частью этого процесса является семантическая трансформация общекатегориального значения, формально-морфологического изменения не происходит, единственным формальным показателем адвербиализации служит мена синтаксической позиции. А.И. Смирницкий указывал, что «конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразо-

вательным средством служит только сама парадигма слова» [2; 3; поддержано: 1, с. 235]. Следовательно, конверсию наречий необходимо признать также и морфологическим преобразованием, как и в случаях безаффиксальной конверсии имен в глаголы и глаголов в имена в английском языке (*salt* (n.) ‘соль’ – *to salt* (v.) ‘солить’, *gape* (n.) ‘зевок’ – *to gape* (v.) ‘зевать, глазеть’), прилагательных в существительные – в русском (посевная, столовая и т.п.). Указанные случаи состоят во включении формы слова одной части речи в парадигматические отношения, характерные для новой части речи. Для наречия это будет сужение словоизменительных потенций до нуля, при этом парадигма наречия – одночленна.

Учитывая сказанное, в словообразовании наречий тувинского языка в морфологическом плане необходимо выделить два основных типа:

А. образование наречий аффиксальным способом, при этом наречия актуально членятся на основу и словопроизводный (деривационный) морфологический (аффикс) или синтактико-морфологический показатель (служебное слово, частица);

Б. образование наречий безаффиксальным способом, т.е. без помощи специальных (наречеобразующих) морфологических или синтактико-морфологических показателей, путем семантико-грамматической конверсии различных форм слов – не только прямых, но и косвенных.

Действующие в рамках каждого из указанных основных типов словообразования наречий – аффиксального и безаффиксально-конверсионного – конкретные словообразовательные модели могут носить продуктивный характер, а могут быть малопродуктивными, с угасающей или ограниченной лексико-семантическими типами мотивирующих основ продуктивностью, либо вообще непродуктивными.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Конверсия // Лингвистический энциклопедический словарь, М.: Издательство "Советская энциклопедия", 1990. С. 235.
2. Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке// Иностранные языки в школе. –1953. № 5. С. 24;
3. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956. 260 с.
4. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (наречия, служебные части речи, изобразительные слова) / АН СССР, Ин-т языкознания; Отв. Ред. Л.А. Покровская. – Л.: Наука, 1987. 293с.

Список источников

5. Даржай А.А. Сылдыстыгда дүш. Кызыл, 1979.
6. Донгак Б. Өңүктөр дугайында тоожу. Кызыл, 1968.
7. Кудажы К.К. Уйгу-чок Улуг-Хем. Мөңгүн том. Кызыл, 1989.
8. Кудажы К.К. Уйгу-чок Улуг-Хем. Алдын том. Кызыл, 1992.
9. Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң// Кудажы К.-Э.К. Чогаалдар чыындызы. 1т. Кызыл, 1993.
7. Кудажы К.К. Ырак булут// Кудажы К.-Э.К. Чогаалдар чыындызы. 1т. Кызыл, 1993.
8. Ондар А. С. Алдын холдар: Чечен чугаалар болгаи тоолчургу чугаалар. Кызыл, 1999.
9. Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968.
10. Тока С.К. Араттың сөзү. Кызыл, 1967.
11. Чулдум Ч.М. Тевек. Кызыл. 1996.

10.02.19

Н.В. Егоршина¹ д-р филол. наук, Ю.В. Шуйская² д-р филол. наук¹Военный университет Министерства Обороны,
кафедра языкознания и литературы, egorshina.n@mail.ru²Институт Международного Права и Экономики, факультета журналистики,
кафедра истории журналистики и литературы, shujskaya@yandex.ru**СТРУКТУРА ТЕКСТОВ В ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Статья посвящена текстам, которые используются как основа для заданий части В и С Единого Государственного Экзамена по русскому языку. Рассмотрена их структура и особенности восприятия текстов учениками, отмечены потенциальные трудности в работе с текстами.

Ключевые слова: *ЕГЭ, сочинение, структура текста, радиальная, цепочечная, дихотомическая, дедуктивная, индуктивная.*

В тестах Единого Государственного Экзамена по русскому языку ученикам среди прочих заданий предлагается работа с текстом: его необходимо прочитать, выделить основную мысль, проанализировать средства художественной выразительности и написать по нему небольшое сочинение (часть С). Тексты, предназначенные для такой работы, - это, как правило, отрывки из статей известных писателей, философов, общественных деятелей. Часто их тема связана с современной культурой, охраной природы, русским языком.

Задача данного исследования – проанализировать тексты, предлагаемые ученикам в тестах ЕГЭ, с точки зрения их структуры. Анализ письменных текстов и устных выступлений позволил выделить 4 типовых структуры текста [3].

Первая, которую можно условно назвать цепочечной, подразумевает хронологическое или последовательное развитие темы. В текстах, построенных по такой структуре, излагается история какого-либо явления, понятия или события. Если текст представляет собой рассуждение, то в нем представлена последовательная аргументация: из одной посылки вытекает вторая, из второй – третья и т.д. Чаще всего построенные по такой структуре тексты – это рассказы или отрывки из рассказов. В таком тексте легко просматривается сюжет, можно проследить последовательное развитие событий. Однако увлекательность сюжета часто мешает школьнику выделить основную мысль, проблематику текста.

Другой вариант структуры текста – радиальная. В построенном по этой схеме эссе или сочинении есть одно центральное понятие, с которым связаны все высказанные идеи. Радиальная структура имеет два подвида: дедуктивная и индуктивная. Радиальная дедуктивная структура представляет собой ход мысли от общего к частному: сначала обозначается общее понятие, затем – имеющие к нему отношение идеи [3].

Радиальная индуктивная структура более сложна для восприятия: в ней сначала обозначаются периферические понятия, и лишь к концу текста становится ясно, что все высказанные идеи имели отношение к одной центральной мысли. В некоторых текстах центральная мысль даже не выражена эксплицитно.

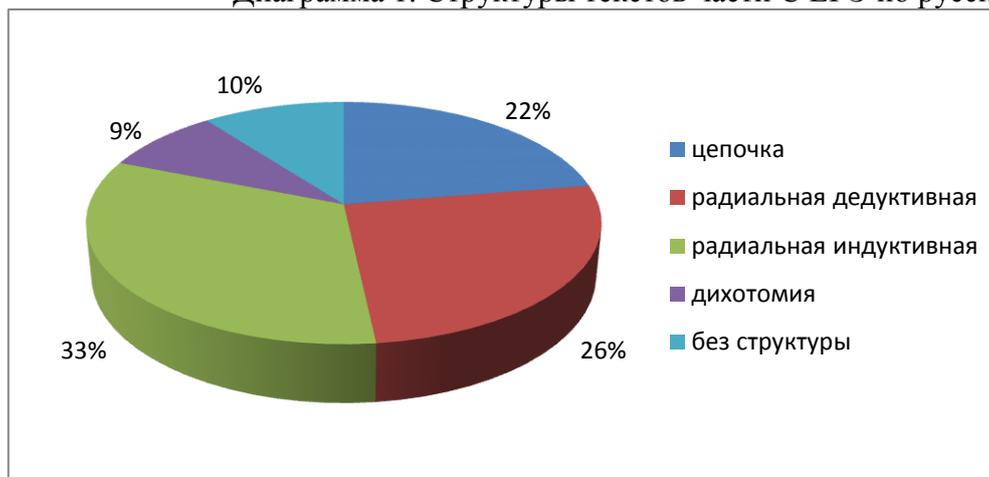
Четвертая структура, которая встречается реже трех предыдущих, может быть условно названа дихотомической [3]. В ней противопоставлена два ключевых понятия, и мысль автора «зигзагообразно» или последовательно движется от одного к другому. В первом случае автор текста сравнивает выбранные понятия по ряду параметров, а во втором – сначала дает всю информацию об одном понятии, затем переключается на другое. Второй тип сложнее для восприятия, так как слушателям и читателям необходимо, воспринимая вторую часть, помнить содержание первой.

Пример такого текста – отрывок из размышлений В.П. Астафьева о деревнях [1]. В тексте сопоставляются два типа изб: оставленная хозяевами с уважением и любовью и брошенная с презрением. В описании каждой из них автор воспроизводит картину быта живших в ней людей, что и составляет основу дихотомической структуры данного текста.

Случается, что текст совсем не обладает структурой. Например, автор, начиная развивать одну мысль, не заканчивает и переходит к другой. Для него самого внутренняя связь между этими идеями ясна, но читатель может ее и не уловить. Как показало экспериментальное исследование, текст без структуры (или с неясной структурой) гораздо хуже воспринимается читателем, и на его осмысление требуется гораздо больше времени.

Было проанализировано 58 текстов из сборников пробных тестов ЕГЭ по русскому языку [2]. Результаты можно обобщить в следующей диаграмме:

Диаграмма 1. Структуры текстов части С ЕГЭ по русскому языку

Большая часть текстов (19 текстов, 33%) составляют статьи и эссе, построенные по радиальной индуктивной структуре. 26% текстов (15) построены по радиальной дедуктивной структуре. Цепочечная структура, часто оказывающаяся самой употребительной в других типах текстов, среди тех работ, по которым предполагается написание сочинения, составила всего 22% (13 текстов). Среди проанализированного материала оказались также тексты без структуры (10%, 6 текстов) и тексты, построенные по дихотомической структуре (9%, 5 текстов).

Следовательно, треть проанализированных текстов составляют статьи и эссе, построенные по наиболее трудно воспринимаемой – радиальной индуктивной структуре. Причина этого, возможно, в выборе авторов текстов. Исследования различных выступлений, речей и статей показали, что выбор структуры зависит от автора, в частности, от его профессии. Так, проведенный анализ выступлений писателей (лауреатов различных званий и премий, выступавших на торжественных церемониях) показал, что среди их речей преобладают выступления, построенные по радиальной – индуктивной и дедуктивной структуре. В то же время среди речей политиков преобладает цепочечная структура.

Таким образом, причина преобладания индуктивной структуры среди текстов, предлагаемых для анализа на ЕГЭ, в том, что тексты выбираются, по большей части, из статей известных писателей. При этом в критериях оценки текста высший балл можно заслужить, если «Экзаменуемый (в той или иной форме) верно сформулировал одну из проблем исходного текста. ... Сформулированная экзаменуемым проблема прокомментирована. ... Экзаменуемый верно сформулировал позицию автора исходного текста по прокомментированной проблеме. ... Экзаменуемый этически корректно сформулировал свое мнение по одной из проблем, поставленных автором текста (согласившись или не согласившись с позицией автора), аргументировал его (привёл не менее 3 аргументов), опираясь на жизненный или читательский опыт» [2]. Иными словами, у школьника должен получиться текст, построенный по радиальной дедуктивной структуре: формулировка проблемы, затем аргументация.

Среди текстов, с которыми придется сталкиваться школьнику в дальнейшем, и среди текстов учебников, которые он читал в школе, «цепочечное» хронологическое развитие мысли встречается чаще остальных: изложение любой проблемы удобнее выстраивать в хронологическом порядке.

Таким образом, из анализа текстов, предлагающихся учащимся 11 класса на Едином Государственном Экзамене по русскому языку можно сделать следующие выводы:

(1) Среди предлагаемых текстов встречаются четыре основных типа структуры: «цепочечная», радиальная индуктивная, радиальная дедуктивная и дихотомическая. Знание о структуре текста поможет учащимся не только быстрее прочесть его, но и легче вычленить основную проблематику текста и позицию автора.

(2) Около трети текстов, предлагаемых в тестах ЕГЭ, построено по радиальной индуктивной структуре, которая является самой сложной для восприятия. Это связано с выбором текстов: как правило, они являются отрывками из статей и эссе известных писателей. Чтобы избежать такого преобладания радиальной индуктивной структуры, необходимо подбирать тексты для анализа не только из трудов писателей, но и из других источников: научные, публицистические тексты.

Список литературы

1. 12 текстов для написания сочинений // Электронный ресурс <http://4ege.ru/russkiy/50617-12-tekstov-dlya-napisaniya-sochineniy.html>
2. *Цыбулько И.П.* Я сдам ЕГЭ! Русский язык. ЕГЭ. 2018. – М.: Экзамен, 2018. – 180 с.
3. *Шуйская Ю.В.* Динамика риторической диспозиции от античности до наших дней. // *Культура и цивилизация*, № 2, 2017. – С. 301 – 309.

10.02.04

Р.М. Иксанова канд. филол. наук, Р.М. Миндияхметова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций,
кафедра английского языка,
Уфа, iks_raichka@mail.ru, r.m.khasanova@yandex.com

ЦЕННОСТНЫЙ КОД АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию динамики ценностей американского этносоциума в рекламной коммуникации. На материале авторекламы выявляются ценностные доминанты, подвергшиеся переосмыслению в связи с глобализационными процессами.

Ключевые слова: *динамика, ценности, американцы, лингвокультура, рекламный профиль компании, глобализация.*

В настоящее время пристальное внимание исследователей уделяется механизмам ценностно-смыслового структурирования рекламного дискурса, который, будучи продуктом не только массовой, но и национальной культуры, отражает культурные, исторические, нравственные, социальные и другие стороны человеческого бытия [5, с. 386]. Выражая потребности, вкусы, настроения массового адресата, реклама чутко реагирует на перемены в ценностной картине этносоциума. В связи с чем возникает настоятельная необходимость анализа смысловых трансформаций в ценностном коде лингвокультуры в рекламной коммуникации.

Материалом анализа послужила рассчитанная на американскую аудиторию реклама автомобилей. Выбор американской авторекламы в качестве исследовательского объекта обусловлен тем, что 1) культурные ценности, создаваемые и транслируемые в рекламном дискурсе данной категории товара, являются мощным мотивационным инструментом и средством формирования стиля жизни [4, с. 93]; 2) рассмотрение динамики ценностной картины страны, которая внесла неопределимый вклад в рекламную индустрию, проливает свет на происходящую в эпоху глобализации переоценку ценностей американской лингвокультуры, задающей ценностные ориентиры всему англоязычному культурному сообществу [6, с. 1368]. Нами был рассмотрен рекламный профиль компании (далее – РПК) как важнейший фрагмент рекламного дискурса, в котором создаётся позитивный образ фирмы в глазах широкой общественности.

Принято считать, что на данном этапе развития человеческой цивилизации динамика ценностей этнокультурного образования обусловлена глобализацией, которая, по мнению ряда авторов (Е.В. Пензина, А. Giddens, U. Hannerz и др.), проходит на базе доминирования американской культурной модели. Признавая обоснованность данной точки зрения, отметим, что как элемент глобального культурного сообщества, принимающий активное участие в его формировании, американская лингвокультура в свою очередь также нивелируется до некоего усредненного образца «новой» глобальной культуры [2, с. 352], в которой органично сочетаются этнокультурные и общекультурные ценности.

Образуя ядро концепта «*PRIVACY*», ценность *неприкосновенность частной жизни*, является, пожалуй, самым крайним проявлением индивидуализма американского народа. Представитель американской лингвокультуры постоянно испытывает потребность в личном пространстве. Даже семейные ценности у американца стоят на втором плане после своих собственных. И несмотря на то, что в Америке очень любят говорить о святости семейных уз, брак понимается как путь к самореализации личности. И в большинстве случаев брак заключается для морально-психологической поддержки личности, а не с целью рождения и

воспитания детей. Партнёр выбирается для того, чтобы быть личным компаньоном. Однако, в последнее время намечается тенденция к возрождению семейных ценностей в том смысле, в каком их принято понимать в коллективистской культуре *THE NEW KIA SEDONA. More space means happier journey. There's nothing worse than being squashed, hot and fed up in the back of a car ... you'll love the new Sedona. It has more space than any other 7 seater in its class, so there's plenty of room to stretch out.* (KIA). Как видно, просторный салон автомобиля нужен не столько его владельцу, сколько членам его семьи (7 seater).

Сугубо национальная **концепция «помоги себе сам»** (self-made man concept) отвергает наличие у человека каких-либо талантов. Тем не менее, рисуя образ корпоративной команды в РПК, американские компании всё чаще акцентируют внимание на наличии у сотрудников природных задатков, которые раскрываются в ходе совместной работы. Благодаря таланту своих сотрудников фирма в состоянии противостоять конкурентам *Ford always explores new opportunities to seek top talent globally with innovative ideas to help us compete* (Ford).

Представители американской лингвокультуры имеют репутацию людей практичных, в любой ситуации задающихся вопросом – принесёт ли мне это деньги. **Практичность и эффективность** делает американцев реалистами, которые всегда и всюду ищут личную выгоду. В то же время сегодня представитель американской культуры изъявляет желание приобрести не только для себя, но и помочь окружающим *So now you can have all the enjoyment of a powerful, luxurious SUV with much less of the expected costs, to you and the planet* (FCA US).

Теперь американские компании в большей степени заинтересованы в укреплении своих позиций в социуме, нежели в преумножении капитала *To earn as many smiles as possible* (Toyota). Лексема *earn*, как правило, встречается в комбинации *earn money*, выражая тем самым материальный аспект. Поэтому столь непривычный контекст, в котором представлена лексема в слогане, сразу же обращает внимание внешнего адресата. Таким образом, в РПК конструируется имидж организации, в приоритете которой находятся интересы клиентов, а не материальная прибыль.

Важное место в ценностной картине американцев отводится **переменам**. Перемены для них означают рост и развитие. Перемены – это, вне всяких сомнений, хорошо. Поэтому в Америке не столь высоко ценятся преемственность, традиции, древнее наследие, апелляции к которым, тем не менее, усиливается в РПК. Актуализация данных ценностей создаёт в рекламном дискурсе образ компании, которая изготавливает корпоративную продукцию по лучшим традициям качества *An Italian story. A global icon. Elegance, style, sportiness and performance with a long and glorious heritage* (Maserati).

Перемены в жизни американцев очень тесно связаны с **ориентацией на будущее**. Будущее заставляет их переоценивать прошлое. Поэтому они весьма плохо осознают настоящее, которое остаётся незамеченным. Но современная реклама отражает значительную переоценку ценности настоящего и прошлого. Рекламодатель обращает взор адресата на прошлое компании, ведь прошлое – это опыт, проверенное качество. Прошлое, согласно философии компании, определяет будущее. Жизнь последующих поколений зависит от того, как мы работаем и работали на протяжении всей истории корпоративной культуры компании *Maserati has succeeded in instilling within its cars both heritage and innovation, past and future, memory and vision. Its heart may be rooted in its Italian heritage, but its eyes are firmly focused on the future* (Maserati).

Существенные перемены произошли в подходе американцев к решению проблем. Принятый в маскулинной американской лингвокультуре **деятельностный подход** сменяется свойственным фемининным лингвокультурам коллективизма созерцательным взглядом на жизнь. Вероятно, поэтому с течением времени рекламодатель заменяет агрессивный англоязычный слоган, бросающий вызов потребителю, более мягким девизом, апеллирующим к внутреннему состоянию и переживаниям адресата (*сравните*): *You asked for it, You got it!* (1975–1979) и *Oh What a feeling!* (1979–1985), *I love what you do for me* (1989–1997).

В США большое значение придаётся **конкуренции**, которая заставляет индивида самосовершенствоваться в попытке стать лучше других. Вместе с тем, в РПК в оппозицию *свой/чужой*, составляющую основу данного ценностного смысла, вводится промежуточная категория «другой», допускающая существование нейтральной или даже положительной оценки [1, с. 12] *A different kind of company* (Saturn).

Американцы глубоко убеждены в том, что каждый человек представляет собой уникальную личность. В свою очередь американская исключительность как мировоззрение национальной **уникальности**, согласно которому США занимают особое место среди других наций с точки зрения своего национального духа, приобретает отрицательную интерпретацию в глобальной культуре, основанной на равноправии разных этнокультурных образований. Поэтому сегодня для американцев ценность уникальность получает дополнительный смысл *новизна Always be studious and creative, striving to stay ahead of the times* (Toyota).

Таким образом, несмотря на то, что сегодня мы наблюдаем масштабное распространение американского образа жизни, насаждения американских ценностей, глобализация, требующая подведения всего идиоэтнического разнообразия под общий, понимаемый всеми знаменатель [3, с. 32], привела к переосмыслению ключевых ценностей американцев. Анализ эмпирического материала показал, что ощутимые перемены коснулись следующих ценностей американской лингвокультуры: индивидуализм и неприкосновенность частной жизни, концепция «помоги себе сам», практичность и эффективность, перемены, ориентация на будущее, деятельностный подход, конкуренция, уникальность.

Список литературы

1. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой-чужой» в британском политическом дискурсе: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2013. – 28 с.
2. Бортникова Т.Г. Динамика этнокультурных процессов и проблемы коммуникации // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 11 (33). – С. 349-356.
3. Иванова С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 29-33.
4. Кочетова Л.А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: монография. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2013. – 404 с.
5. Чанышева З.З., Хасанова Р.М. Роль намёка в рекламе как проводника косвенного речевого воздействия // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т.21. – № 2. – С. 386-392.
6. Хасанова Р.М. Средства создания ценностного кода в рекламном профиле компании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология. – 2014. – № 4. – С. 178-186.

10.02.00

Ю.Н. Карыпкина канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, karypka@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В ПЕРИОД ДВОЕВЕРИЯ НА ПРИМЕРЕ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ БОГ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ
JUDGEMENT DAY II**

В статье представлены результаты анализа лексико-семантической группы существительных со значением Бог на примере древнеанглийской поэмы Judgment Day II. Данный анализ помогает выявить особенности именованного одного из ключевых понятий в переходный период от язычества к христианству, характеризуемый Ю.С. Степановым как «период двоеверия». В ходе исследования применяются историко-этимологический метод, метод анализа словарных дефиниций и метод концептуального анализа.

Ключевые слова: *номинация, концепт, картина мира, древнеанглийский язык.*

В современной лингвистике термин «номинация» относится к числу многозначных. В Большом энциклопедическом словаре по языкознанию [7] даётся три базовых определения номинации: в первом номинация трактуется как образование языковых единиц, служащих для непосредственного называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них; второе относится к совокупности проблем, охватывающих изучение динамического аспекта актов наименования; в третьем номинация определяется как суммарное обозначение лингвистических проблем, связанных с именованном [7, с. 336]. Следовательно, номинацию можно представить и как процесс, и как результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми объектами [7, с. 337]. Таким образом, номинация сопряжена с соответствующей познавательной деятельностью человека, в процессе которой сначала происходит реальное взаимодействие человека с предметом обозначения. В дальнейшем определяется значение этого предмета для деятельности человека. В конечном итоге познаваемый объект превращается в «познанное», «осмысленное», «понятое» [1, с. 22].

В своей книге «Человеческий фактор в языке» [2] И.К. Архипов, основываясь на концепции мира Декарта-Канта-Мамардашвили, согласно которой человек (как и все предметы объективного мира) живёт в постоянно длящемся, «вечном» настоящем, и мир переходит в новое, неповторимое состояние каждый миг, полагает, что содержание нужного слова складывается в сознании говорящего каждый раз заново, по мере осознания, какое слово он выбирает для передачи задуманного концепта, а значение слова формируется с опорой на речевой контекст и знания «картины мира». Принципиальным для нашего исследования является вывод, сделанный учёным: нигде нет ни 'готового' знания, ни 'готовых' значений; мысли и, соответственно, значения никогда не предметы, но процессы; в зависимости от того, какой концепт является актуальным в данный момент для данного индивидуального сознания, данный концепт проецируется на тезаурус и выводится актуальное значение [2, с. 93-107].

В этой связи наибольший интерес для лингвиста-историка представляет процесс номинации в период смены культурных парадигм, как-то, переход от языческой картины мира к христианской. На смену одной философии приходит другая, кардинально меняющая императивы поведения – идеал языческого героя уже не похож на идеал христианина. Для германца-воина счастье заключалось в том, чтобы выпить и сытно поесть после доброй битвы, завладеть хорошим оружием и бесчисленными браслетами, послушать рассказы под

музыку и поспать вдоволь после пира. Смерть друзей не оплакивалась, за неё они выбирали мечь. Воины были людьми, не знавшими страха и мечтавшими умереть на поле боя. Только смерть на поле боя гарантировала достижение Валгаллы Одина – своеобразного воинского рая, куда их уносили Валькирии на своих белых конях [3].

Сначала обращение в новую веру носило поверхностный характер и ограничивалось лишь внешней обрядностью. Новые христиане Британии понимали религию Христа так же, как и культ Тора-воина. Долгое время верования были ничем иным, как наслоением на старый культ – верили в Христа, но боялись Одина. Подобное наличие в обществе двух систем законов Ю.С. Степанов определяет как *двоеверие* [5].

В свою очередь, новые этнические стереотипы неизбежно отражались и на языковом поведении человека. Новая этно-культурная доминанта не могла возникнуть из вакуума, она складывалась в результате трансформации (модификации) исходной концептосферы, восприятие новых христианских ценностей опиралось на исходные представления старой (языческой) доминанты, благодаря которым и осознавались новые ценности. Старые ассоциативные связи распадались, отражаясь на лексических значениях слов. Так, новые имплицитные связи устанавливаются вокруг доминанты «Бог-человек», поднимая проблему наименования Бога как спасителя и целителя человеческих душ [6].

Материалом для исследования послужила древнеанглийская поэма *Judgement Day II* (Поэма условно названа *Judgement Day II* для того, чтобы отличить её от поэмы похожего содержания *Judgement Day I* в составе Эксетерской книги.), поскольку именно в ней наиболее полно и красочно представлены мотивы Судного дня (одного из ключевых концептов христианства), а потому представлениям о боге как главном судье отводится решающая роль. Стихотворение, состоящее из 304 строк, ранее известное как *Be domes dæze* «О судном дне», является древнеанглийской версией поэмы, написанной на латинском языке. Единственный сохранившийся древнеанглийский текст найден в манускрипте CCC201 и датируется приблизительно 1050 годом. Хранится в Кембридже в библиотеке Corpus Christi College [13].

Каким же образом происходил процесс наименования (в терминах И.К. Архипова) представлений о Боге? В интересующей нас англо-саксонской поэме *Judgement Day II* находим многочисленную лексико-семантическую группу из двенадцати слов, именующих Христа, как-то: *dryhten, god, frēa, weard, cynn, sciepend, lāce, wealdend, cyning, metod, brytta* и *fæder*, многие из которых являются лексемами, отражающими языческие представления, часто связанными с различными сферами представлений о божестве. Наиболее частотным является существительное мужского рода *dryhten* (использовалось восемь раз в строках 21, 37, 59, 85, 121, 123, 182, 271) (Здесь и далее в анализе примеров поэмы в скобках указываются номера строк.) в значении «chief, a ruler, king, lord, prince», имевшее соответствия в других древнегерманских языках, например, др.-в.-нем. *truhtīn, trohtīn*, др.-сакс. *druhtin, drohtin*, др.-сев. *drōttinn*, др.-фриз. *drochten* [8; 10; 11; 12]. Возможно, древнеанглийское *dryhten* является производным от существительного женского рода *dryht* «troop, band / body of retainers, company, a multitude». В основе номинации Христа данной лексемой лежит представление о Боге как о вожде войска, вожде отряда, состоящего из его слуг; с принятием христианства произошёл сдвиг значения в сторону «God, Christ».

Второе наиболее часто используемое существительное – *god* (18, 71, 86, 88, 285, 290, 291) в значении «(heathen) god, image of a god», не имеющее общепринятой этимологии [9]. Хотя Г. Крунен в своём словаре соотносит его со старославянским *gověti* «почитать, уважать, благоговеть» [11, с. 193-194), на базе которого реконструируется протогерманский корень **gwhu-tó*, являющимся общим для германского ареала (ср. др.-в.-нем. *got*, др.-сев. *god, gud*, гот. *guf*, герм. **zud-*). Под влиянием христианства значение слова переосмыслилось и стало означать «God, the (Christian) Deity». В этом значении оно сохранилось до наших дней.

Четырежды в поэме используется существительное *frēa* (19, 74, 81, 292) в значении «the Lord, Christ, God» [8; 10; 11; 12]. По данным словарей, древнеанглийское *frēa* соотносится с др.-фриз. *frā*, др.-сакс. *frōio*, др.-в.-нем. *frō* в значении «ruler, lord, king, master, husband», гот.

frauja «lord», др.-сев. *Freyja* «a goddess», а также имеет родственный корень в старославянском *pravŭ* «right», русс. *právo* «right». Со временем слово *frēa* приобрело христианское наполнение.

Другой вариант опредмечивания – это ассоциации Бога с хранителем Небесного царства, выраженного в поэме существительным *weard* «keeper, watchman, guard, guardian, protector; lord, king; possessor» (70, 298). Вероятно, данное слово образовалась от древнеанглийского глагола *warian* «guard, protect, defend, occupy, inhabit», имевшем соответствия не только в других древнегерманских языках (др.-фриз. *waria*, др.-в.-нем., др.-сакс. *bi-warōn*, др.-сев. *vara*), но и в лат. *verēri* «to observe anxiously, revere, fear» и греч. *oúros* «watchman» [8; 10; 11; 12]. Одно из немногих слов, сохранившихся в современном английском языке в форме *be-ware* с исходным значением «остерегаться, беречься» [9].

Кроме основных обозначений встречаются многочисленные дополнительные наименования Бога, образ которого лежит в русле представлений о нём как: 1) о члене рода и отце – главе рода. Для этого используются лексемы, относящиеся к сфере терминов обозначения родства, такие, как: *fæder* (274) «father; male ancestor» > «the Father, God» и *cynn* «kin, kind, kindred, sort, race, tribe, family» в сочетании *eall manna cynn* «всех людей предок» (19 b). Др.-англ. *cynn* соотносится с и-е. **ĝen-*, **ĝon-*, **ĝn-* «produce»; 2) о первоисточнике, творце-создателе всего мира и судьбы, выраженное существительным *scieppend* «Creator» (73), образованного от глагола *scieppan* «to shape, form, make, create» > «to create (of the act of God)», и *metod* «fate > Creator, God, Christ» (116); 3) о целителе, т.к. в основу концептуализации представлений о грехе легли ассоциации греха с болезнью, излечить и очистить от которой чудесным образом способен только Всевышний. Отсюда, др.-англ. *læce* «doctor» > «leech» (46, 66), соотносимое с др.-в.-нем. *lāhhi*, др.-сакс. *lāki*, др.-сев. *læknir*, гот. *lēkeis* «physician, healer», изначально «magician, exorcist», от герм. **lækjaz* [8; 10; 11; 12].

На базе семантики причастия настоящего времени *wealdend* (50) «ruler, king», образованного от глагола *(ge)w(e)aldan* «to rule, govern, have power or control» и существительного *cyning* (95) «leader, king, controller, ruler, lord» в древнеанглийском языке развивается значение «king (often of God), Christ» [8; 10; 11; 12], тесно связанное с идеей благородства, с представлением Бога в роли короля, правителя. Так, др.-англ. *cyning* имеет корреляты только в германских языках, соотносясь с др.-фриз. *kin- kon- kening*, др.-в.-нем., др.-сакс. *kuning*, др.-сев. *konungr*, что даёт возможность реконструировать герм. **kuningaz* в значении «потомок / отпрыск благородного рода» [9]. В англо-саксонской социальной системе король представлял военную правящую аристократию, где мудрость и щедрость короля играли ключевую роль в жизни общества.

Тесно связанной с признаком благородства королевского происхождения оказывается идея Бога-дарителя, которая реализуется в языке англо-саксов с помощью лексемы *brytta* (117) «dispenser, giver, author, governor, prince» > «treasure-giver, lord», производного глагола *bryttian* «to divide, dispense, distribute; rule over, possess, enjoy the use of» (герм. **brutja-* «to break in pieces») [8; 10; 11; 12]. Данную трансформацию легко понять в контексте этнокультурной доминанты англо-саксов эпохи расширения, где основным императивом, определяющим и мотивирующим их поведение, являлся мотив *воинственности ради богатства и славы*: благородный и могущественный вождь всегда богат и щедр, он создаёт себе славу щедрой рукой и не медлит с наградой [6].

Подытоживая результаты проведённого анализа, можно заключить, что особенности в использовании лексических единиц при переходе от прежней языческой доминанты к новой создаёт тот факт, что некоторые признаки и ассоциации входят в новую христианскую доминанту, сохраняя преемственность идей и понятий. В тексте древнеанглийской поэмы *Judgement Day II* Бог представлен шестью разнообразными образами: доминирующим является признак господства в образе вождя, правителя, короля, лорда, принца благородного происхождения, выраженный древнеанглийскими лексемами *dryhten*, *frēa*, *weard*, *wealdend*, *cyning*; обобщённый образ Бога реализован существительным *god*; образ отца, прародителя рода человеческого воплощён лексемами *fæder* и *cynn*; образ спасителя и лекаря людских

душ выражен существительным *læce*; образ Бога животворящего, доброго начала, создателя представлен лексемами *scieppend* и *metod*; образ щедрого подателя, распределяющего сокровищ актуализируется существительным *brytta*. С течением времени слова, обладавшие символической значимостью, такие как *dryhten*, *frēa*, *weard*, *scieppend*, *wealdend*, *metod*, *brytta* вышли из употребления. Но ассоциации, идеи, принадлежащие данной группе слов, аккумуляровались существительном *lord*, производного от др.-англ. *hlāford* «master, patron, ruler, husband > lord, king, God» [12]. Этимологический смысл, по мнению Т. Хоуда, выражает отношение *главы* к находящимся на его иждивении *членам* семьи, которые «едят его хлеб» [9, с. 271].

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Архипов И.К. Человеческий фактор в языке: учебно-методическое пособие. – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2001. – 114 с.
3. Жюссеран Ж. История английского народа в его литературе. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 416 с.
4. Степаненко В.А. Кумуляция в семантике имени Божьего в Ветхом и Новом Заветах // Слово в предложении: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С. 262-278.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 620-623.
6. Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. – 243 с.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 336-337.
8. Bosworth J., Toller M.A. An Anglo-Saxon Dictionary. – London: Oxford Univ. Press, 1973. – 1302 p.
9. Hoad T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – 552 p.
10. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. – Amsterdam-London-New York: Elsevier Publishing Company, 1966. – 1776 p.
11. Kroonen G. Etymological dictionary of Proto Germanic. – Leiden, Boston, 2013. – 794 p.
12. Lehnert M. Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. Dictionary. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1956. – 247 p.
13. *Judgement Day II* – <http://www.apocalyptic-theories.com>

10.02.20

Л.Б. Малкарбаева канд. филол. наук

Казанское высшее танковое командное училище,
кафедра иностранных и русского языков,
Казань, luiza1206@mail.ru

ВВОДНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ПРОЦЕССЕ ВЫРАЖЕНИЯ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья раскрывает категорию косвенной эвиденциальности как важный компонент указания источника информации в процессе речевой деятельности. Фундамент работы составляют вводные компоненты, используемые в английской и татарской речи, в процессе получения информации непрямым путем. Рассматриваются особенности английских и татарских вводных компонентов в ходе выражения косвенной эвиденциальности.

Ключевые слова: эвиденциальность, прямая/косвенная эвиденциальность, информация, источник информации, вводные компоненты.

Важную роль в английской и татарской речи играют вводные компоненты, раскрывающие отношение говорящего к высказыванию, его оценку, дающие сведения об источнике сообщения. В данном случае говорящий оценивает содержание высказывания с разных позиций, выражающих достоверность-вероятность, эмоциональное отношение, авторство или источник информации, побуждает собеседника быть внимательным, верить информации. Именно с этим семантическим параметром высказывания, отображающим отношение говорящего к содержанию собственного сообщения, а именно с отсылкой к источнику информации связана категория эвиденциальности [3, с. 310]. Под «источником информации» понимаются те сведения, на которые ссылается говорящий, продуцируя высказывание о некоем событии или мероприятии, то есть указание на то, было ли это событие (ситуация) воспринято (пережито) им прямым (непосредственным) образом или же косвенным (опосредованным) методом. В зависимости от того, каким образом была получена информация, можно выделить два основных семантических вида эвиденциальности: «прямая» эвиденциальность и косвенная (непрямая) эвиденциальность.

Приобретенная информация определяется, прежде всего, ссылкой на передачу данных, честное и объективное представление автором чужих взглядов и мнений, содержит большое количество сносок, пояснений, примечаний и примеров, которые характеризуют косвенную эвиденциальность. Нередко они оформляются в виде вводных компонентов.

Представленная статья имеет целью изучение применения вводных компонентов в английской и татарской речи, относящиеся к категории косвенной эвиденциальности. Категорию косвенной эвиденциальности можно выразить с помощью большой группы средств разных уровней языка. Они имеют общее значение эксплицитного указания на опосредованный источник сведений говорящего относительно сообщаемой им информации. К сфере косвенной эвиденциальности относятся самые различные случаи: когда высказывание основано на умозаключении (инферентивный метод), на подразумеваемых утверждениях (презумптивный метод) и на сообщении иного лица (репортивный метод). Мы изучаем репортивный способ как ядерный, поэтому будем рассматривать вводные компоненты, принадлежащие именно к этому типу. В анализе репортивного способа передачи информации с помощью вводных компонентов и заключается новизна нашей работы.

Необходимо отметить, что вводные компоненты – это элементы, не связанные с членами предложения, в значительной степени они отображают отношение автора к собственному высказыванию и рассматриваемой в нём действительности. В этих случаях предложения приобретают следующий смысл: источник информации, уверенность/неуверенность в её достоверности, оценка событий и языковых средств. И конечно, вводные компоненты могут служить средством организации текста, отмечая его самые различные по значению элементы и переход от одного к другому [2, с. 42].

Вводные компоненты дают возможность включать в предложение дополнительные данные, указывающие на источник полученной информации, не меняя ее структуру и коммуникативную составляющую. Сведения, введенные при помощи вводных элементов, позволяют акцентировать внимание на содержании чужого высказывания, когда носитель информации уходит на второй план с целью сохранения целостности повествования, его «стройности» и логичности, что особенно важно при анализе какой-либо научной работы, при изложении чужой теории и т.д. [1, с. 187]. Таким образом, лингвистические значения вводных компонентов сводятся к тому, что они расширяют структурные возможности предложения, а это позволяет увеличению его информационную содержательность (см. табл. 1).

Таблица №1. Вводные компоненты при непрямом доступе в английском и татарском языках (с переводом на русский язык)

В английском языке	В татарском языке	Перевод
according to the newspapers' reports	газетлар хэбэр итүе буенча	по сообщениям газет
in the observer's opinion/view	күзэтүче айткәнчә	по мнению обозревателя
according to my grandmother	минем әби сөйләүе буенча	как говаривала моя бабушка
in his opinion, to his mind, to his way of thinking	аныңча	по его мнению
according to	сүз буенча	по словам
in smb's opinion	фикер буенча	по мнению

Анализируя содержание таблицы №1, мы можем сказать, что структура вводных компонентов в английской речи оформляется как сочетание предлога (according to, in, to) и существительного (Преп. + N.). В татарском же языке вводные элементы образуются в ряде случаев с использованием послеслога буенча и существительного, а в иных – с помощью окончания ча/-чә. Также в татарском языке имеется особенность, связанная с формированием односоставных вводных компонентов (например, аныңча). Хотя необходимо отметить, что они используются реже.

Эти данные, которые представлены в таблице, подтверждаются нижеприведенными примерами из английской и татарской художественной литературы.

(1) "I have said no such thing. I am only resolved to act in that manner, which will, *in my own opinion*, constitute my happiness, without reference to you, or to any person so wholly unconnected with me" / "Я не говорил ничего подобного. Я преисполнен решимости действовать только таким образом, который, *по моему собственному мнению*, будет составлять мое счастье, без ссылки на вас или на любого человека, полностью не связанного со мной" (Джейн Остин «Гордость и предубеждение»).

(2) There was certainly at this moment, *in Elizabeth's mind*, a more gentle sensation than she had ever felt at the height of their acquaintance / В этот момент, *в мыслях Элизабет*, было определено более нежное чувство, чем она когда-либо чувствовала в разгар их знакомства (Джейн Остин «Гордость и предубеждение»).

(3) *Бэрримор айтүе буенча*, ул гадәтенә беркайчан да хыянәт итмәгән / *По словам Бэрримора*, он никогда не совершал преступления (Конан Дойль «Собака Баскервиллей»).

(4) *Узе сөйләве буенча*, шактый "кәефле" чагы булган / *По его словам*, он часто бывал «навеселе» (Конан Дойль «Собака Баскервиллей»).

Итак, изученный нами материал показывает, что вводные компоненты являются важным эксплицитным способом выражения косвенной эвиденциальности. В английской речи информация представляется с использованием предлога и существительного (Prep. + N.). В татарском языке сведения оформляются с помощью послеслога буенча + имени существительного, а также окончания -ча/-чә. Это дает возможность обеспечения информационной насыщенности и компрессии текста. Иными словами, достигается сведение до минимально возможного количества избыточной информации в основном высказывании; обеспечивается «сжатость» языковой структуры высказывания и максимально увеличивается информативность и содержательный объем словосочетаний. И последнее, вводные компоненты, указывая на средства получения сведений, являются важным элементом воздействия на читателя, так как посредством этих синтаксических единиц эксплицитно или же имплицитно выражается отношение к сообщаемому материалу.

Таким образом, вводные компоненты – это важные и необходимые составляющие речи вообще, английской и татарской, в частности. Говорящий может включать в предложения различные слова (словосочетания) с целью передачи информации, а также сведений об источнике информации и характеристике сообщений. Это существенный показатель категории эвиденциальности.

Вводные компоненты отличаются от других членов предложения благодаря присущим только им определенным чертам. Да, они не раздвигают границы содержания сообщения, не имеют синтаксическими связями с членами предложения, не видоизменяют свою грамматическую форму при изменении слов в предложении. Без всякого ущерба для значения предложения можно избежать использования вводных компонентов. Вместе с тем, благодаря своей автономности, они могут свободно размещаться как в начале предложения, так в его середине или в конце. Безусловно, вводные компоненты выражают отношение говорящего к сообщаемой им информации, что имеет важное значение в процессе выражения косвенной эвиденциальности.

Список литературы

1. *Левонтина И.Б.* Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: ЯСК., 2006. – С. 163-238.
2. *Фава Э.* Синтаксис и семантика вводных слов – показателей иллокутивной силы высказывания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология, 2001. – № 4. – С. 36-48.
3. *Храковский В.С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А.Козинцевой. – СПб.: Наука, 2007. – С. 308-329.

10.02.04

М.В. Носкова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт, кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, noskovamv@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты сопоставительного анализа специфики употребления лексико-семантической группы (далее ЛСГ) терминов родства на материале английского и русского языков.

Ключевые слова: *лексико-семантическая группа, сопоставительный анализ, семантика, английский язык, русский язык.*

Исследование системных отношений в рамках ЛСГ терминов родства имеет то преимущество, что здесь связаны лингвистические системные отношения с экстралингвистическими отношениями в самой объективной действительности, вследствие чего данная ЛСГ представляет определенный исследовательский интерес. Очевидна актуальность сопоставительного анализа специфики функционирования терминов родства на материале разносистемных языков.

В настоящей статье предпринята попытка исследования ЛСГ терминов родства на материале двух языков: английского и русского.

В ходе исследования было выделено 50 лексических единиц, относящихся к ЛСГ терминов родства в английском языке, которые были расклассифицированы по следующим признакам:

- кровного родства (по прямой и боковой линии);
- отношений, возникших в результате заключения брачного союза;
- терминов, обозначающих категории родства лиц по отношениям, возникшим между одним из супругов и детьми другого от предшествующего брака;
- терминов, обозначающих категории людей, потерявших родственников;
- духовное родство.

На следующем этапе исследования мы воспользовались возможностями, предоставляемыми авторитетным толковым англоязычным словарем Webster's Online Dictionary, в базе данных которого имеется информация о том, как часто встречается в Британском национальном корпусе та или иная лексическая единица на каждые 100 миллионов слов английского языка, как в устной, так и в письменной речи.

Сделав выборку данной информации для каждого из исследуемых нами терминов, мы ранжировали все лексические единицы в пределах ЛСГ по частотности их употребления. Существительные *mother, father, child* являются относительно высокочастотными, средними по частотности употребления лексические единицы *mum, dad, son, daughter, brother, sister, wife, husband*. Остальные были отнесены к низкочастотным. Исходя из этого, следует отметить, что ядром данной ЛСГ можно считать такие лексические единицы, как: *mother, father, child*. К ближней периферии нами были отнесены те лексические единицы, которые имеют средний уровень частотности, а к дальней периферии все низкочастотные лексические единицы.

В русском языке центром ЛСГ являются термины *мать, отец, родители*. К ближней периферии относятся термины *дочь, сын, сестра, брат, теща, свекр* и т.д. К дальней периферии относятся все термины, включенные в группы приемных родственников, потерявших родственников и термины духовного родства.

В ходе анализа нами было отмечено, что большая часть терминов имеет дополнительные значения, которые раскрываются преимущественно в определенном контексте. Но, есть и термины, которые употребляются только в основном, прямом значении, это такие термины, как: *niece, nephew, orphan, stepmother, stepfather* и др. в английском языке, а *племянница, племянник, кум, деверь* и т.д. в русском языке.

При рассмотрении дополнительных значений исследуемых терминов нам удалось сделать некоторые наблюдения относительно функционирования данной ЛСГ в речи носителей языка. Исследуемые нами термины могут иметь значение собирательного образа.

Например, *If her mother was a daughter of the great Republic, it was to be supposed that the young girl was a flower of the American soil; but her beauty had a robustness and tone uncommon in the somewhat facile loveliness of our western maidenhood* [4].

В русском языке, например, *Я, дочь народа, простая чернорабочая, сегодня вас свободой потчую!* [2].

Термины кровного родства имеют значение «служителей церкви»: «батюшка», «матушка» и т.д.

Например, *Father Tom Bohlin, vicar of Opus Dei in the United States, gave us a rare look inside this urban retreat that serves the 3,000 Opus Dei members in this country* [3].

В русском языке, например, *По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве* [2].

Термины приобретают дополнительные значения на основе смежности качеств, свойств, поведения, теряя при этом указание на родственные связи. Например, *" Ah Navi-boy, " she sighed, with an artificial old-lady voice, " you too quick for your old granny"* [3]. В данном примере термин употребляется для указания на возраст и способности, присущие какому-либо возрасту – «ты слишком быстра для старой бабки», т.е. родственная связь не прослеживается, акцент делается на возрасте женщины.

Исследуемые нами термины нередко приобретают метафоричное значение. Например, *The Scion is essentially a Smart Fortwo done right, with a usable backseat, a pillowy ride, and none of the Smart's math-geek-on-acid vibe. Like the Fiat, both offer adult bones that hang around long after the clown-car novelty wears off. You end up feeling as if you've downsized because it makes sense, not because someone told you to. At the end of the day, that's the greatest hurdle - coming to terms with driving what my smart-assed southern grandmother once called "a road gnome". For ordinary people, the stigma is harsh: In the land of the free refill and the home of the monster truck, small car perpetually equals small steak and slight stature. As with most things, the answer is confidence. Cool is what you make it, so if you're going to drive little, think large. It takes a big man to pull it off, but if you live around here, size is in your blood* [3].

Данный пример демонстрирует употребление термина в переносном, метафорическом значении. Во-первых, в данном контексте термин имеет значение «старушка», то есть непосредственно родственные отношения утрачиваются. Во-вторых, одушевленное значение «старушка» претерпевает изменения и проецируется на автомобиль. Таким образом, в данном примере термин *grandmother* имеет значение «старый, надежный, проверенный автомобиль».

Если для контекста важна линия родства, то на этом делается акцент при помощи лексем *maternal* – по линии матери, *paternal* – по линии отца.

Например, 1) *The only moderating influence to this bloodline and gene pool was provided by my paternal grandmother, a woman of Dutch extraction, who came from a long line of Daughters of the American Revolution. She was a temperate Methodist, an Eisenhower Republican, a wonderful cook and seamstress and gardener who never gossiped or gave any scandal to her family until early in the so-called roaring twenties, when she was smitten by and betrothed to marry an Irish Catholic* [3].

2) *So through the years I've consulted several child-naming books in hopes of discovering some good luck in Anna. But they just say the name is an English version of the Hebrew Hannah and that Hannah was the name of the prophet Samuel's mother and also Christ's maternal grandmother* [3].

В современном русском языке такое указание не встречается. Существуют устаревшие лексемы для уточнения линии родства. Например, **Вуйна** — (устар.) *тётка по матери (сестра матери)* [1].

Дублеты терминов родства, как правило, не имеют дополнительных значений.

В современном английском языке термины *wife* и *husband* дополнительных значений не имеют, существуют устаревшие значения. Например: *Leonora Why - not exactly. But there is a difference between playing the fool for one wife, or for a hundred stupid lords and simpering ladies of the court, who can only see wit in your jests when the prince laughs at them* [4]. В данном примере термин *wife* используется в значении «женщина».

В современном русском языке существует достаточно большое количество устаревших терминов родства. Например, *Сестрич (сестренич, сестричищ, сестринец)* — (устар.) сын сестры, племянник по сестре [1].

Термины родства, возникшие в результате брачного союза, вызвали у нас особый интерес своей двойственностью основных значений. Так, в русском языке термины имеют разные лексемы, например: деверь, шурина – брат жены/мужа, зять – муж сестры, а в английском языке оба термина выражаются всего лишь одной лексической единицей - *brother-in-law*.

Подтверждением этому могут служить нижеприведенные примеры:

1) *Who can blame her? But, you know, that's Harry. "When my mother left the room, my father took me aside to inform me that his brother-in-law had never repaid the twenty grand he had borrowed from his sister Lillian* [3]. / Когда моя мама закрыла дверь, папа отвел меня в сторону, чтобы сказать, что его шурина никогда не сможет выплатить 20 тысяч, которые он позаимствовал у сестры Лилиан.

2) *Did anyone in the household notice anything different about Ben, or did Ben say he was going anyplace, anything at all? No, there was nothing incredibly peculiar. He was at a very close friend of my sister's and brother-in-law's, where he had been and had stayed on several occasions, and felt very comfortable there* [3]. Из контекста становится понятным, что в первом примере речь идет о брате жены, т.е. о шурине. Второй пример представляет другое значение термина *brother-in-law* – «зять», что становится понятным также благодаря контексту.

Список литературы

1. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Племянник_и_племянница
2. НКРЯ – Национальный Корпус Русского Языка. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>
3. COCA – Corpus of contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
4. COHA – Corpus of Historical American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coha/>
5. WOD – Webster's Online Dictionary URL: <http://www.websters-online-dictionary.org>

10.02.00

Е.Е. Сафронова

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет, кафедра лингвистики,
Краснодар, e.e.safronova@mail.ru

РОЛЬ КОНЪЮНКТИВА I ПРИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МАНИФЕСТАЦИИ ИМПЛИЦИТНОГО АВТОРА В ФИКЦИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Представленная работа посвящена одной из наиболее важных проблем современной нарратологии – манифестации имплицитного автора. Структура Konjunktiv I используется в немецкоязычном дискурсе для передачи несобственно-авторского высказывания. На основании проведённого анализа можно сделать вывод о том, что употребление конъюнктива I указывает на наличие некоей опосредующей субстанции, которая и осуществляет воспроизведение чужого высказывания.

Ключевые слова: *имплицитный автор, нарратор, конъюнктив I, фикциональный дискурс, немецкая грамматика.*

В настоящее время существует масса типологий имплицитного автора (или нарратора) и его точек зрения, представляющих научный интерес как один из ключевых аспектов нарратологии и один из наиболее спорных вопросов наррации. Сам имплицитный автор определяется следующим образом (авторская пунктуация сохранена. – прим. авт.):

“implied author: the version of the real author responsible for the choices that creates the narrative text as “these words in this order” and that imbues the text with his or her values” [3, P. 546]. – «имплицитный автор: версия реального автора, ответственная за решения, создающие нарративный текст как «эти слова в этом порядке» и наполняющие текст его или её ценностями» (пер. авт.).

Таким образом, имплицитный автор представляет собой некоего актанта, ответственного за отбор материала для построения текста. Стоит отметить, что речь идёт не только о лексических единицах, но также о грамматическом аспекте композиции текста и морально-этическом посыле, который ожидаемо должен содержаться в готовом тексте.

Материалом для исследования послужил роман Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» (нем. „Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders“). Проанализировав грамматические способы манифестации имплицитных актантов, мы пришли к выводу, что подавляющее большинство из них так или иначе связано с таким сугубо немецкоязычным явлением, как употребление грамматического наклонения конъюнктив I (Konjunktiv I) при передаче косвенной речи.

Конъюнктив I представляет собой один из видов сослагательного наклонения и используется для передачи косвенности в речи, имея способность передавать собственно косвенную речь, косвенный вопрос или побуждение (иначе его называют императивом косвенной речи). Чтобы прояснить сферу его употребления касательно косвенной речи, обратимся к цитате из грамматического справочника: «В косвенной речи передаётся только предметное содержание чужого высказывания, причём часто в сокращённой форме, например: речи, документы, объявления и т.п. воспроизводятся в косвенной речи в сжатом виде. Употребление конъюнктива I подчёркивает, что передаются чужие слова, что говорящий дистанцируется от содержания этих высказываний» [2, S. 275].

На основании приведённого выше высказывания можно сделать вывод о том, что употребление конъюнктива I вне ситуации, когда мы имеем дело с коммуникацией между персонажами, заведомо указывает на наличие некоей опосредующей субстанции, которая и осуществляет воспроизведение чужого высказывания. Таким образом, подобная

метакоммуникативная передача текста является одним из главных свидетельств присутствия нарратора в повествовании. Имплицидность его манифестации при этом является несомненной ввиду отсутствия таких эксплицитных признаков, как непосредственное обращение к читателю либо употребление местоимений и глагольных форм множественного числа, нпр.: „Zu der Zeit, von der *wir reden*, herrschte in den Städten ein für *uns moderne Menschen* kaum vorstellbarer Gestank“ [4, S. 5]. – «В городах того времени стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей» [1, С. 5].

Невозможно не отметить тот факт, что конъюнктив употребляется в самых разнообразных временах. Вот лишь некоторые примеры:

„Und während er hinter Baldini herging, in Baldinis Schatten, denn Baldini nahm sich nicht die Mühe, ihm zu leuchten, überkam ihn der Gedanke, dass er hierhergehöre und nirgendwo anders hin, dass *er hier bleiben werde*, dass er von hier die Welt aus den Angeln heben würde“ [4, S. 90]. – «И пока он шел вслед за Бальдини, в тени Бальдини, ибо Бальдини не давал себе труда посветить ему, его захватила мысль, что его место - здесь, и больше нигде, что он останется здесь, и больше нигде, что он останется здесь и отсюда перевернет мир вверх дном» [1, С. 92]. (Futurum I Konjunktiv I)

„Für ein paar Momente verschnaufte sich Grenouille und machte dabei ein so zufriedenes Gesicht, als *habe er* den beschwerlichsten Teil der Arbeit schon *hinter sich*“. [4, S. 105] – Несколько мгновений Гренуй переводил дух с таким довольным лицом, словно самая тяжкая работа осталась позади [1, С. 107]. (Präsens Konjunktiv I)

„Für einen Moment war er so verwirrt, dass er tatsächlich dachte, *er habe* in seinem Leben noch nie etwas so Schönes *gesehen* wie dieses Mädchen. [...] Er meinte natürlich, *er habe* noch nie so etwas Schönes *gerochen*“. [4, S. 54] – Он был совершенно сбит с толку. На миг ему самом деле показалось, что еще никогда в жизни он не вдыхал ничего столь прекрасного, как эта девушка. [...] Он, конечно, имел в виду, что никогда не нюхал ничего столь прекрасного [1, С. 55]. (Perfekt Konjunktiv I)

„Immer noch liegt die Frau mit dem Messer in der Hand auf der Straße, langsam kommt sie zu sich.

Was ihr geschehen sei?

«Ничто».

Was sie mit dem Messer tue?

«Ничто».“ [4, S. 9] –

Женщина с ножом в руке всё ещё лежит на улице, медленно приходя в себя.

Спрашивают, что с ней?

«Ничего».

Что она делает ножом?

«Ничего» [1, С. 9].

Данный пример интересен тем, что представляет осуществляемое нарратором цитирование не только с применением конъюнктива, но также и в классическом образчике, а именно при передаче прямой речи персонажей в традиционном пунктуационном направлении, т. е. в кавычках.

Как видно из приведённого выше примера, далеко не всегда в тексте встречаются примеры с употреблением конъюнктива I только в одном времени, что, впрочем, нисколько не противоречит правилам немецкой грамматики и демонстрирует лишь согласование времён глагола при предшествовании одного из описываемых событий другому.

Следует отметить, что употребление конъюнктива I в романе не сводится к простому цитированию. В следующем примере передача мыслей героев в форме конъюнктива служит прежде всего средством манифестации непричастного нарратора, наделённого всеведением, т.е. способного «читать мысли» персонажей и воспроизводить их в тексте; во многих классификациях данный тип нарратора обозначен как олимпийский. Курсивом в данном примере мы выделяем мысли Бальдини, курсивом с подчёркиванием – ожидания Гренуя:

„Dann stellte er sich hinter Baldini, der noch immer mit bedächtiger Pedanterie seine Mischgefäße arrangierte, dieses Glas ein wenig dahin rückte, jenes noch ein wenig dorthin, damit *alles* seine gute altgewohnte *Ordnung habe* und *sich* im vorteilhaftesten Licht der Leuchter *präsentiere* – und wartete, zitternd vor Ungeduld, dass *der Alte sich entferne* und ihm *Platz mache*.“ [4, S. 102] – «Потом встал за спиной у Бальдини (тот все еще со степенной педантичностью расставлял свои смесительные сосуды - немного сдвигал один стакан, слегка придвигал другой, дабы все имело свой добрый, истари заведенный порядок и эффектнейшим образом сияло в свете свечей) и стал ждать, дрожа от нетерпения, пока старик отойдет и уступит ему место» [1, С. 104].

Однако, далеко не всегда, встречая в тексте конъюнктив I, мы имеем дело с речью автора.

„Auf der anderen Seite lag es klar zutage, dass, wenn eine einfältige Person wie jene Amme behauptete, *sie habe* einen Teufelsspuk *entdeckt*, der Teufel nie und nimmer seine Hand im Spiel haben konnte“ [4, S. 19]. – «С другой стороны, было ясно как день, что если такая недалекая особа, как эта кормилица, утверждает, что она обнаружила какую-то чертовщину, значит, Сатана Никак не мог приложить руку к этому делу» [1, с. 19 – 20].

В приведённом примере, на первый взгляд, не может идти речи о присутствии имплицитного автора, поскольку слова кормилицы передаются отцом Террье, посредством чего нарраториальный полис смещается – в данном случае нарраториальную роль принимает персонаж второго плана. Однако, такое мнение мы считаем ошибочным, поскольку приведённый монолог воспроизводится лишь в сознании отца Террье, способностью проникать в которое наделён лишь всеведующий и всезнающий олимпийский нарратор.

Таким образом конъюнктив I служит не только для грамматической манифестации имплицитного автора, но и помогает дифференцировать его тип.

Список литературы

1. Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы (пер. с нем. Э. Венгерова). / П. Зюскинд. – СПб: Азбука-классика, 2007. – 348 с.
2. Dreyer H., Schmitt R. Lehr- und Übungsbuch der deutschen Grammatik (Neubearbeitung) [Грамматика немецкого языка с упражнениями (новое издание)] / H. Dreyer, R. Schmitt. – Übersetzung und Bearbeitung von J. Kazamtschewa, L. Beyer. – München: Max Hueber Verlag, 2001. – S. 275.
3. Phelan J., Rabinowitz P. J. A Companion to Narrative Theory / J. Phelan, P. J. Rabinowitz. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2005. – P. 546.
4. Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1994. – 336 S.

10.02.00

Е.Е. Сафронова

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет, кафедра лингвистики,
Краснодар, e.e.safronova@mail.ru

**ЭКСПЛИЦИТНАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЕГО ИМПЛИЦИТНОГО ПРИСУТСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Б. АКУНИНА «АЗАЗЕЛЬ»)**

В работе представлены результаты изучения эксплицитного изображения читателя, осуществляемого с помощью грамматических форм второго лица. На основании проведённого исследования можно сделать вывод о том, что эксплицитное изображение реципиента надстраивается над имплицитным и само по себе существовать не может.

Ключевые слова: *имплицитный читатель, нарратор, фикциональный дискурс, эксплицитный читатель, имплицитный автор.*

Начиная со второй половины XX века в русле польской нарратологии зародилась идея о некоем реципиенте, имплицитно присутствующем в тексте. Мария Ясиньска в своей работе [8, SS. 215 – 251] различает «реального читателя» (czytelnik realny) и «эпического читателя» (czytelnik epicki), причем первый является эквивалентом конкретного читателя, второй – фиктивного. Различение между абстрактным и фиктивным читателем было предвосхищено Михалом Гловиньским [5, SS. 7 – 32], противопоставившим «реципиента в широком смысле» и «реципиента в узком смысле».

В ходе развития данной теории французскими структуралистами этот феномен был классифицирован Ж. Женеттом как нарратор, или имплицитный читатель [2, С. 267]

Современное определение нарратора звучит следующим образом (авторская орфография сохранена. – прим. авт.):

“narratee: the audience directly addressed by the narrator; the degree to which this audience gets characterized varies widely” [10, P. 548]. – «имплицитный читатель: реципиент, к которому напрямую обращается нарратор; степень изображения данного реципиента широко варьируется» (пер. авт.).

История этого понятия почти такая же долгая, как и у нарратора (как обозначают имплицитного автора в западном литературоведении). Уже в книге Уэйна Бута “The Rhetoric of Fiction” [4, pp. 77 – 89] имплицитный читатель (implied reader) фигурирует в качестве эквивалента абстрактного автора со стороны реципиента. Вольфганг Изер в своих работах определял имплицитного читателя (impliziter Leser) как «вписанную в тексты структуру» [7, S. 60]. По мнению Изера, имплицитный читатель не обладает реальным существованием, а только воплощает совокупность предварительных ориентировок.

Следует отметить, что мы рассматриваем только зафиксированного в тексте читателя. Незафиксированный в тексте «задуманный» читатель – intendierter Leser в терминологии Ханнелоре Линк [9, S. 28] и Гюнтера Гримма [6, SS. 38 – 39], – который существует только в представлении конкретного автора и которого невозможно реконструировать без привлечения внетекстовой информации, элементом произведения не является, поскольку является частью неосуществлённого авторского замысла.

Материалом для нашего исследования послужил роман Б. Акунина «Азазель».

Нарратор, как и нарратор, может изображаться двумя способами – эксплицитно и имплицитно.

Эксплицитное изображение осуществляется с помощью грамматических форм второго лица или известных формул обращения. Созданный таким путем образ читателя может наделяться более или менее конкретными чертами:

«Внезапно неуравновешенный субъект взглянул *на наших дам* и, словно приняв некое решение, направился к ним широкими шагами» [1, С. 4].

Следует заметить, что эксплицитное изображение реципиента (при его наличии) надстраивается над имплицитным, носящим фундаментальный характер и само по себе существовать не может [2, С. 92]. Подобные примеры встречаются в тексте романа в достаточном количестве, чтобы суггестивно поддерживать убеждение имплицитного читателя о фикциональности воспринимаемого текста и фиктивности изображённого в нём мира. Таким образом, употребления местоимений первого лица множественного числа является свидетельством не только присутствия нарратора, но и нарратора как оппонента имплицитного автора.

«Что ж, сиротам здесь, кажется, было привольно, не то что ученикам Губернской гимназии, к числу которых еще совсем недавно принадлежал *наш коллежский регистратор*.» [1, С. 85]

«Впрочем, никаких сведений помимо тех, *что уже известны читателю*, Эраст Петрович из протоколов не почерпнул – все свидетели повторяли более или менее одно и то же, отличаясь друг от друга лишь степенью проницательности:...» [1, С. 15]

Стоит отметить, что Акунин, пользуясь данным приёмом, активно апеллирует множественным числом не только местоимений, но и глаголов.

Вот лишь некоторые примеры:

«Жуя на ходу пирожок с вязигой, купленный на углу Гусятникова переулка (*не будем забывать, что в следственной ажитации Эраст Петрович остался без обеда*), он резво шагал по Чистопрудному бульвару, где допотопные старухи в салопах и чепцах сыпали крошки жирным, бесцеремонным голубям». [1, С. 31]

«Тут промедление смерти подобно, растравляя себя Эраст Петрович (*прямо скажем, несколько преувеличивая*), а господин пристав казенного пятиалтынного пожалел». [1, С. 31]

«Ну уж бакшиш-то ты мне, голубчик, отработаешь, подумал Эраст Петрович (*будем именовать его так, несмотря на инкогнито*)». [1, С. 125]

Данные примеры, вне сомнений, являются наглядной иллюстрацией эксплицитной манифестации образа читателя, однако мы вслед за Вольфом Шмидом придерживаемся той точки зрения, что эксплицитное выражение не является самостоятельным типом, но непременно базируется на имплицитном, поэтому наличие эксплицитного читателя можно считать доказательным аргументом присутствия в тексте нарратора, который и служит основой для эксплицитной манифестации данного феномена.

Такой тип манифестации вполне убедителен, особенно в тех примерах, где имплицитный читатель вступает в опосредованный диалог с манифестированным в тексте нарратором:

«Откроем уж заодно и причину, по которой так смутился коллежский регистратор. Дело в том, что позавчера он потратил треть своего первого месячного жалования на столь завидно расписываемый корсет, ходил в «Лорде Байроне» второй день, терпя изрядные муки во имя красоты, и теперь заподозрил (*абсолютно безосновательно*), что проницательный Ксаверий Феофилактович разгадал происхождение богатырской осанки своего подчиненного и желает над ним посмеяться». [1, С. 10]

«Лизанька (*так про себя уже называл Елизавету Александровну стремительно гибнущий Фандорин*) с готовностью опустила на кожаный диван, глядя *на нашего героя* во все глаза». [1, С. 40]

В приведённых выше примерах эксплицитное изображение нарратора соседствует с имплицитным изображением автора, выраженным в виде авторских комментариев (выделено подчёркиванием). Подобные обособления представляют собой ни что иное, как приведённую непрямой оценкой нарратора, которая соседствует с эксплицитной манифестацией читателя, находящей выражение в употреблении глаголов в форме первого лица множественного числа и притяжательных местоимений (выделено курсивом).

Таким образом, эксплицитная манифестация наррататора представляет собой более чем убедительное доказательство существования в тексте его имплицитного образа, а кроме того ведёт к возникновению устойчивой коммуникативной структуры с имплицитным автором и читателем в роли повествующего и реципирующего актантов соответственно.

Список литературы

1. Акунин Б. Азазель / Б. Акунин. – М. : Захаров, 2001. – 269 с.
2. Женетт Ж. Повествовательный дискурс (пер. с франц. Е. Васильевой) / Ж. Женетт. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. – С. 267.
3. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 92.
4. Booth W. C. «The Rhetoric of Fiction» and the Poetics of Fictions // Towards a Poetics of Fiction / Ed. M. Spilka. – London: Bloomington, 1977. – pp. 77 – 89.
5. Glowinski M. Wirtualny odbiorca w strukturze utworu poetyckiego // Studia z teorii i historii poezji. Seria pierwsza / M. Glowinski. – Wrocław, 1967. – SS. 7 – 32.
6. Grimm G. Rezeptionsgeschichte: Grundlegung einer Theorie. Mit Analysen und Bibliographie / G. Grimm. – München, 1977. – SS. 38 – 39.
7. Iser W. Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung / W. Iser. – München, 1976. – S. 60.
8. Jasinska M. Narrator w powieści przedromantycznej (1776 – 1931) / M. Jasinska. – Warszawa, 1965. – SS. 215 – 251.
9. Link H. Rezeptionsforschung: Eine Einführung in Methoden und Probleme / H. Link. – Stuttgart, 1976. – S. 28.
10. Phelan J., Rabinowitz P. J. A Companion to Narrative Theory / J. Phelan, P. J. Rabinowitz. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2005. – P. 548.

10.02.01

А.А. Талицкая канд. филол. наук, М.В. Шаманова д-р филол. наук

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
факультет филологии и коммуникации,
кафедра общей и прикладной филологии,
Ярославль, cliver_08@bk.ru, mshamanova@mail.ru

ОБРАЗ ЯРОСЛАВЛЯ В МОЛОДЕЖНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

Работа выполнена в рамках инициативной НИР ЯрГУ № ВИП-011

В статье рассматриваются вопросы психолингвистического описания имен собственных в языковом сознании. С помощью метода свободного ассоциативного эксперимента составлено ассоциативное поле лексемы Ярославль, выделены семантические группы внутри поля. Проводится сопоставление энциклопедических и экспериментальных данных.

Ключевые слова: *языковое сознание, психолингвистические методы исследования, ассоциативный эксперимент.*

В современной лингвистике проблемы, связанные с изучением языкового сознания человека и необходимостью его описания научными способами, являются актуальными и исследуются в различных направлениях и аспектах.

Так, например, в психолингвистических работах воронежских ученых исследуется значение как феномен языкового сознания. Авторы одноименного проекта основную задачу видят в разграничении лексикографического, психолингвистического значений и концепта, ими предложены основные методы экспериментального описания психолингвистического значения. Объектом внимания исследователей являются общезыковые, гендерные, возрастные значения, значения имен собственных, синонимия и антонимия лексем [6].

Ряд работ в рамках изучения семантики лексем посвящен именам собственным. Ученые обращают внимание на контекстуальное значение имен собственных [3], формулируют их психолингвистическое значение [2; 4; 5].

Целью данной статьи является психолингвистическое описание лексемы *Ярославль* и сопоставление полученных результатов с энциклопедическими данными.

Методом исследования послужил свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемым было предложено следующее задание:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово, которое придет Вам в голову. Не раздумывайте долго. Если ни одно слово не вспоминается, ставьте прочерк.

Ярославль _____

Москва _____

Крым _____

Санкт-Петербург _____

Владивосток _____

Кавказ _____

Просим указать свои данные: пол _____, возраст _____.»

Всего в психолингвистическом эксперименте приняли участие 132 человека, жители Ярославской и близлежащих областей, студенты Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Результаты ассоциативного эксперимента мы представили в виде ассоциативного поля.

Ярославль 132 – город 28; медведь 17; дом 11; Ярослав Мудрый 9; родина 7; Золотое кольцо 5; Волга; учеба 4; мудрый; родной город 3; грязь; история; набережная; столица; ЯрГУ им. Демидова 2; великий; вероисповедание; Вологда; Главный; город возможностей; город с тысячелетней историей; город трезвых; Демидовский университет; долг; дорога; красиво; красивый город с большим будущим; купюра; любимый город; манеки; медведица; медведь с секирой; мир; памятник; понуро; родное; Рославль; село; семья; серые будни; скука; спокойствие; столица Золотого кольца; Стрелка; сумерки; сырость; торт; универ; университет; утро; фонари; храмы; церковь; 47 1.

Всего реакций – 140, из них различных – 54.

Один испытуемый дал четыре реакции, один испытуемый дал три реакции, пять испытуемых дали по две реакции, в двух анкетах реакции на стимул *Ярославль* отсутствовали.

Ассоциативные реакции были распределены нами по семантическим группам, которые расположили в порядке убывания общего количества реакций в группе:

1. Родовое географическое наименование: город 28; город с тысячелетней историей 1. Всего 29 реакций.

2. Указание на достопримечательности, городские и природные объекты различного рода: Ярослав Мудрый 9; Волга 4; мудрый 3 (на наш взгляд, эта реакция аналогична реакции *Ярослав Мудрый*, однако ее вербализация оказалась более свернутой); история; набережная 2; Главный (наименование городского вокзала); купюра (на купюре номиналом тысяча рублей изображен памятник Ярославу Мудрому); манеки; медведица (живая достопримечательность города – медведица Маша, которая живет в музее-заповеднике); памятник; Стрелка; фонари; храмы; церковь 1. Всего 29 реакций.

3. Восприятие Ярославля как дома, родного места и т.п.: дом 11; родина 7; родной город 3; родное; семья 1. Всего 23 реакции.

4. Связь с легендой об основании Ярославля: медведь 17, медведь с секирой 1. Всего 18 реакций.

5. Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки: грязь 2; великий; город возможностей; город трезвых; красиво; красивый город с большим будущим; любимый город; мир; понуро; село; серые будни; скука; спокойствие; сырость 1. Всего 15 реакций.

6. Связь с учебой, университетом: учеба 4; ЯрГУ им. Демидова 2; Демидовский университет; универ; университет 1. Всего 9 реакций.

7. Связь с туристическим брендом «Золотое кольцо» и Ярославлем как столицей Золотого кольца: Золотое кольцо 5; столица 2; столица Золотого кольца 1. Всего 8 реакций.

8. Время суток: сумерки; утро 1. Всего 2 реакции.

Ряд единичных реакций связан с конкретными личными впечатлениями и опытом испытуемых и не поддается интерпретации: вероисповедание; Вологда; долг; дорога; Рославль; торт; 47.

Для описания энциклопедических данных о Ярославле мы использовали Большой энциклопедический словарь [1].

ЯРОСЛАВЛЬ – город в Российской Федерации, Ярославская обл., порт на р. Волга. Железнодорожный узел. 634,5 тыс. жителей (1993). Машиностроение (производственные объединения: «Автодизель», станкостроительное, «Дизельаппаратура»; заводы: электромашиностроительный, строительный, полимерного машиностроения, производственные объединения деревообрабатывающего оборудования, «Машприбор», судостроительный, радиозавод и др.) – химическая и нефтехимическая (производственные объединения: «Лакокраска», «Ярославльнефтеоргсинтез»; заводы: шинный, синтетического каучука, технического углерода и др.) – нефтеперерабатывающая, легкая (комбинат технических тканей «Красный Перекоп», обувная фабрика и др.) – пищевая, стройматериалов промышленность. 5 вузов (в т. ч. университет) – 3 театра. По преданию, основан в 1010. Историко-архитектурный музей-заповедник (Спасо-Преображенский монастырь, 16 в.) – художественный музей. Памятники архитектуры ярославской школы

зодчества 17 в. – церкви Ильи Пророка, Иоанна Златоуста в Коровниках, Николы Мокрого, Иоанна Предтечи в Толчкове.

Сопоставление энциклопедических и экспериментальных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Родовое географическое наименование *город* представлено и в словаре, и в экспериментальных данных, эта семантическая группа является самой объемной.

2. Энциклопедические сведения об отраслях промышленности совершенно не нашли отражения в ассоциативном поле.

3. Информация о достопримечательностях города, его культурной жизни, сфере образования представлена и в энциклопедии, и в результатах эксперимента, но по-разному. Актуальными для языкового сознания молодежи являются реакции *Ярослав Мудрый; набережная; медведица; памятник; Стрелка; храмы; церковь*. В энциклопедии более подробно описываются памятники архитектуры и зодчества: *историко-архитектурный музей-заповедник (Спасо-Преображенский монастырь), церкви Ильи Пророка, Иоанна Златоуста в Коровниках, Николы Мокрого, Иоанна Предтечи в Толчкове*. В энциклопедических сведениях отражена информация о количестве вузов города, а в экспериментальных данных представлены преимущественно личностные реакции, связанные с конкретным местом обучения испытуемых: *ЯрГУ им. Демидова; Демидовский университет*.

4. Результаты эксперимента позволяют выявить не только энциклопедические (объективные) сведения о городе, но и личностные (субъективные). Семантические группы, включающие такие реакции, являются объемными: «Восприятие Ярославля как дома, родного места и т.п.» (23 реакции), «Эмоции, впечатления, субъективные ощущения, оценки» (15 реакций). Следует отметить, что положительно оценочные реакции (*дом; родина; родной город; родное; семья; великий; город возможностей; город трезвых; красиво; красивый город с большим будущим; любимый город*) значительно преобладают над негативно оценочными (*грязь; понуро; село; серые будни; скука; сырость*).

Список литературы

1. *Большой энциклопедический словарь*. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. URL: <https://gufo.me/dict/bes/ЯРОСЛАВЛЬ> (дата обращения: 15.06.2018).
2. *Дьяконова Е.А.* Сопоставительный анализ психолингвистических значений топонимических вариантов (Санкт-Петербург, Петербург, Петроград, Питер, Ленинград) // Сопоставительные исследования 2018. Вып. 15. Воронеж: Ритм, 2018. С. 149–155.
3. *Карагашева Э.Х.* Контекстуальное значение имен собственных в русском языке (на материале лексем «Испания», «Барселона») // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов; под ред. И.А. Стернина. Вып. 7. Воронеж: Истоки, 2016. С. 27–30.
4. *Коваленко С.В.* Семантика имени собственного в психолингвистическом аспекте (экспериментальное исследование семантики антропонима Ал. Македонский) // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов; под ред. И.А. Стернина. Вып. 33. Воронеж: Истоки, 2017. С. 57–59.
5. *Коваленко С.В.* Экспериментальное исследование семантики имени собственного (Хрущев) // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов; под ред. И.А. Стернина. Вып. 7. Воронеж: Истоки, 2016. С. 70–73.
6. *Стернин И.А., Рудакова А.В., Виноградова О.Е.* Проект «Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова) // Вопросы психолингвистики. 2017. №2 (32). С. 211–223.

10.02.00

О.И. Шарафутдинова канд. филол. наук

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, кафедра русского языка и литературы,
Челябинск, gadkie_lebedi@mail.ru

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РОССИЙСКОГО ДИСКУРСА ВЛАСТИ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается проблема визуализации контента политической коммуникации на материале Послания Президента Федеральному собранию (01.03.2018). Данное выступление опубликовано на официальном интернет-ресурсе Президента РФ и представляет собой текст в сочетании с изображениями. Анализируется степень представленности визуального контента в выступлении, варианты презентации оратора на официальном интернет-ресурсе.

Ключевые слова: *политическая коммуникация, дискурс власти, В. Путин, Послание Федеральному собранию.*

Во второй половине XX в. произошло несколько смен методологических парадигм, которые в русской гуманитарной традиции обозначаются словом «поворот». Одним из таких поворотов стал визуальный, начало которого относят к 1970-м гг. Под влиянием данного поворота формируется новая отрасль знания - Visual Studies. Такое внимание к визуальной культуре было связано с переходом от вербального способа передачи информации в СМК к визуальным образам. Прежде всего это бурное развитие телевидения, которое становится главным средством массовой коммуникации. Так, один из влиятельных медиатеоретиков XX века Маршал Маклюэн разделял развитие человечества по способам коммуникации: устная традиция, рукописная культура, печатная культура и электронные медиа. По мнению М. Маклюэна, с массовым внедрением таких явлений, как кино, телевидение, радио, телефон и др., происходит закат печатной традиции, обозначаемой им как «галактика Гутенберга», и формирование новой культуры, в которой образы играют значительно более важную роль, чем прежде [5].

Осмысление роли изображения заставляет исследователей отойти от привычных моделей анализа текста и ставить новые вопросы. Visual Studies базируется на комплексе идей и концепций различного толка. Так, например, историк искусства Эрвин Панофский еще в 1939 году предложил трехступенчатую модель анализа визуального изображения. Его метод включает: 1) предиктографический анализ, 2) иконографический анализ, 3) иконологическую интерпретацию. На первом уровне в центре внимания оказываются формальный сюжет произведения и происходит опознание отдельных элементов. На втором уровне происходит выявление символов, отсылок, намеков, то есть выявляется вторичный смысл произведения. На третьем уровне исследователь стремится раскрыть внутренний смысл произведения [6].

Если картины, на основе которых Э. Панофский разрабатывает свой метод, являются продуктом творчества автора и выражают его субъективное отношение к объекту изображения, то фото- кино- и видеодокументы опираются на идею фиксации действительности. При анализе фотографии Р. Барт выделяет такие понятия, как *studium* и *punctum* [1]. Первое понятие призвано обозначить культурную интерпретацию фотографии, а второе - личную связь между фотографией и зрителем. В аспекте анализа визуального компонента политической коммуникации большой интерес представляют работы Ролана Барта «Миф сегодня» и «Мифологии». В первой из них он размышляет о фотографии из журнала «Пари-Матч», на обложке которого изображен африканец в военной форме под французским флагом. Отталкиваясь от схемы де Соссюра, он выявляет следующее: «Здесь есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему (африканский солдат отдает честь, как это принято во французской армии); есть означаемое (в данном случае это намеренное смешение принадлежности к французской нации с

воинским долгом); наконец, есть *репрезентация* означаемого посредством означающего» [2]. Таким образом, при анализе фотографии Ролан Барт реализует структуралистский подход, основанный на лингвистических идеях, и при этом воспроизводит иконографическую схему Эрвина Пановский. Во второй работе Р. Барт обращается к политической тематике, размышляя о фотографиях на листовках кандидатов в депутаты. Он выделяет несколько аспектов этих фотографий: создание особой личной связи кандидата и избирателя; демонстрация особой телесной атмосферы, проявляющейся в лице, одежде, позе кандидата; стремление скрыть политику (т. е. известный ряд проблем и их решение) и показать социально-нравственный облик. «В фотографии выражаются не намерения кандидата, а его побуждения - все те семейные, психические, даже эротические обстоятельства, весь тот стиль жизни, продуктом и привлекательным примером которого он является» [2]. Ролан Барт отмечает, что фотография не столько показывает, сколько репрезентирует политика, создавая социально-символический код, который зрителю необходимо расшифровать.

В современной ситуации одним из главных ресурсов для эффективной политической коммуникации является доступ к медиаресурсам, медиа становятся способом существования языка политики, средой его бытования [8]. По мнению Пьера Бурдьё, политическая борьба в значительной степени представляет собой форму соперничества за символическую власть, которая выражается в возможности направлять взгляды и веру, внушать знание и признание [3]. Зависимость политического субъекта от медиа приводит к формированию режима медиакратии. Поскольку для успешной конкуренции необходимы каналы распространения, то контроль за СМИ означает получение существенных преимуществ. Визуальное доминирование политика в медиатизированном обществе является одним из элементов его успеха. При этом в условиях развитой визуальной культуры политик должен оценивать риски от собственного визуального изображения. Так, массовое распространение телевидения в США в конце 1950-х годов стало существенным фактором победы Джона Кеннеди на президентских выборах в США: на экране он смотрелся гораздо лучше своего соперника Ричарда Никсона, который был бы успешным в прежней информационной модели с доминированием радио как средства массовой коммуникации. В 2008 году плакат «Норе» стал визуальным символом избрания Барака Обамы и породил множество подражаний, превратившись в один из самых узнаваемых образов современности.

Для анализа визуального аспекта дискурса власти был выбран Президент РФ Владимир Путин. С одной стороны, он является ведущим современным политиком, главным ньюсмейкером страны и самым известным человеком в России. С другой стороны, его должность президента в современных российских условиях позволяет контролировать процесс репрезентации его образа в традиционных СМИ. Конечно, в современных условиях происходит переход от иерархичной, древовидной структуры коммуникации к ризомной, когда нет одного центра и имеется множество точек входа [4]. Такую роль в медиатизированном пространстве играют социальные сети, которые гораздо хуже, чем официальные ресурсы и традиционные СМИ, поддаются прямому контролю со стороны власти. В нашем исследовании важно выявить, как проявляется визуальный образ Владимира Путина через фотографии, размещенные на официальных ресурсах. Официальный статус изучаемого материала позволяет говорить о том, что визуальные образы должны отражать образ власти с точки зрения самой власти.

В качестве эмпирического материала рассматриваются фотографии, размещенные на официальном сайте Президента РФ (kremlin.ru). Ключевым выступлением 2018 года стало Послание Президента Федеральному Собранию, озвученное 1 марта 2018 года [7]. Выбор этого выступления Владимира Путина обусловлено несколькими причинами. С одной стороны, Послание Федеральному собранию является главной речью Президента в году, в которой он, согласно Конституции РФ, обязан обозначить итоги прошедшего года. Примечательно, что в 2017 году Владимир Путин не выступил с Посланием, перенеся его на 2018 год. С другой стороны, озвученное в марте Послание стало предвыборной речью кандидата в Президенты Владимира Путина. Отказавшись от участия в дебатах и

бесплатного эфирного времени, он использовал Послания не только для разговора о прошедшем году, но и о шести будущих годах. Таким образом, выступление одновременно репрезентирует два модуса времени - прошлого и будущего.

Всего для визуализации данного выступления Президента РФ было использовано 15 фотографий, на 11 из которых изображен Владимир Путин, а на 4 - зрители в зале. Изображения не образуют отдельный визуальный ряд, а встроены в текст, хотя не имеют к нему непосредственного отношения и не могут быть расценены как иллюстрация текста Послания.

Проанализируем фотографии, на которых отсутствует оратор. Эти фотографии показывают ключевых зрителей в зале: лидеры парламентских партий, представители основных религиозных конфессий и лица, занимающие высшие государственные должности. Соотнесем изображения с этапами визуального анализа: 1) сначала мы видим отдельных людей - мужчин и женщин; 2) далее опознаем в них Геннадия Зюганова, Владимира Жириновского, патриарха Кирилла, Валентину Матвиенко, Дмитрия Медведева и атрибутируем их с занимаемыми должностями; 3) интерпретационный этап показывает основной посыл этих фотографий - демонстрация единства перед лицом национального лидера. Представители различных политических сил и религиозных течений, забыв о разногласиях, сосредоточены на ораторе, находящемся за кадром. Таким образом, фигура оратора на изображениях отсутствует, но, тем не менее, оказывается центральной фигурой на снимке.

Рассмотрим фотографии, на которых присутствует Владимир Путин. Следует отметить, что изображения разных лет демонстрируют повторение композиций и сюжетов протокольной фотографии, следовательно, можно говорить о существовании определенных сценариев визуальной репрезентации президентской власти.

На первом фото Владимир Путин изображен выходящим на сцену с папкой в руках, на фоне экрана. Данное изображение является визуальным введением, призванным показать динамичного Президента, который движется вперед, в будущее. Папка в его руках, несколько архаичный на фоне высокотехнологичного задника, но обязательный атрибут делового человека или политика, должна подчеркнуть наличие у Президента особых знаний и планов.

На второй фотографии мы видим сразу пять Путиных, поскольку показана трансляция послания и изображения выведены сразу на несколько экранов. Такая фотография позволяет показать перспективу, в том числе многочисленность гостей и журналистов. Таким образом подчеркивается значимость и заинтересованность в речи Путина, с одной стороны, и его множественность и тотальность, с другой.

Третья фотография демонстрирует Владимира Путина крупным планом, при этом фото сделано таким образом, что по краям видны размытые головы людей в зрительном зале. Данная фотография создает эффект присутствия: у зрителя возникает впечатление, что он смотрит на Владимира Путина, находясь в зале в окружении других людей.

Четвертая фотография показывает помещение Манежа, где проходило оглашение Послания, крупным планом. В левой части фотографии размещается большое количество зрителей, сидящих в зале, а в правой - маленькая фигура Владимира Путина во время выступления. Фотография символизирует значение фигуры Президента, поскольку на изображении сложно различить отдельные фигуры, они сливаются в однородную массу. В то время как фигура Владимира Путина, даже маленькая, легко различима, расположена отдельно и находится выше, чем все остальные. Таким образом подчеркивается уникальный статус Президента в государстве и то, что никто не может быть с ним сопоставлен.

Пятая фотография показывает Владимира Путина поверх голов людей, сидящих в зале, при этом верхние две трети фотографии занимает карта России. С одной стороны, демонстрируется связь страны и Президента, Путин и Россия выступают как единый визуальный образ. Но с другой стороны, карта страны возвышается над Президентом, показывая ее величие и значение, и то, что Президент - это своеобразный посланник и исполнитель воли страны и народа.

Шестая фотография изображает крупный план Владимира Путина на однородном голубом

фоне, оратор поднимает указательный палец вверх, как бы обращая внимание невидимого собеседника на что-то важное. Интересно, что фотография с подобным жестом была опубликована в контексте Послания 2010 года, когда Президентом был Дмитрий Медведев.

Седьмая фотография снова показывает Президента в окружении голов зрителей, только в этот раз головы крупнее и занимают больше места. Возможно, таким образом демонстрируется мысль о проникновении идей Владимира Путина или о плотности зрителей в помещении Манежа. Сам выступающий одной рукой опирается на трибуну, а другая рука раскрыта. Такой жест традиционно ассоциируется с обращением к аудитории и открытостью.

Восьмая фотография демонстрирует очередную панораму Манежа, но теперь уже с конца зрительного зала, мы видим множество рядов, которые закачиваются трибуной и выступающим Владимиром Путиным. Хотя самого Путина практически невозможно различить, с обеих сторон находятся большие экраны, на которых Президента показывают крупным планом. В очередной раз зрители оказываются массой, над которой возвышаются близнецами видео-Путины.

Девятая фотография относится к финалу выступления Владимира Путина, когда он закончил свою речь и зрительный зал встал и аплодировал. Девятая фотография, как и четвертая, показывают широкую границу между Президентом и зрителями. Одновременно запечатленные аплодисменты являются подтверждением полной и безоговорочной поддержки Владимира Путина. Таким образом, представители государства, а, следовательно, и все государство, выступают за Путина.

Десятая и одиннадцатая фотографии очень похожи, но дают разные ракурсы. На них Владимир Путин стоит на фоне огромного российского флага, на котором изображен герб России. На десятой фотографии присутствуют и другие люди, а на одиннадцатой - только Президент, флаг и герб. Обе фотографии подчеркивают неразрывную связь символов государства с фигурой оратора. Он позиционируется как элемент триады, из которой невозможно удалить какой-либо элемент.

Таким образом, анализ визуального компонента Послания Федеральному Собранию позволяет выделить несколько базовых вариантов презентации Президента на официальном интернет-ресурсе. Главный вариант визуальности - это Президент как выразитель интересов России. При этом важно обратить внимание на особенности представления страны, Россия представлена не только людьми, но и абстрактными категориями, символами государства или контурами страны. Еще один образ - единство всех сил вокруг Президента, отсутствие раскола в верхушке общества, в такой ситуации образ Президента оказывается центром объединения элиты и страны в целом.

Список литературы

1. *Барт Р.* Camera lucida: Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 2011. 272 с.
2. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 240, 201.
3. *Бурдые П.* Политическое представление // Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. *Делез Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, М.: У-Фактория, Астрель, 2010. 895 с.
5. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-центр, 2004. 432 с.
6. *Пановский Э.* Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб.: Азбука-классика, 2009. 432 с.
7. Послание Президента Федеральному Собранию. 1.03.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>.
8. *Strömbäck J.* Mediatization of Politics: Towards a Conceptual Framework for Comparative Research // The Sourcebook for Political Communication Research: Methods, Measures, and Analytical Techniques. New York, 2011. P. 3-28.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда (проект №16-18-02032)**

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Р.Ф. Бекметов

ВОСТОК КАК «ЧУЖБИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
СОЗНАНИИ И.А. ГОНЧАРОВА: О МЕХАНИЗМЕ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ОРИЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА В ПРОЗЕ
ПИСАТЕЛЯ 1850-Х ГОДОВ*Ключевые слова:* И.А. Гончаров, русская литература, «Фрегат “Паллада”», Восток, образная система, анализ.

Восток был объектом авторского внимания И.А. Гончарова. В романе «Обломов», как известно, встречаются ориентальные детали, от хрестоматийного «персидского халата» главного героя до «ароматов Востока», которыми источал батистовый платок Волкова, посетителя съемной квартиры на Гороховой улице. В очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончаровым весьма подробно описан мир Юго-Восточной Азии, ее экзотический пейзаж и культурные особенности. Эти произведения связаны между собой самым глубоким образом. Задача статьи состояла в том, чтобы понять, в какой мере отражение восточных реалий взаимодействует в гончаровском тексте с концептуально-авторским моделированием Востока, в чем Восток является далекой «чужбиной», а в чем – «хорошо знакомым краем».

R.F. Bekmetov

THE EAST AS «FOREIGN LAND» IN THE ARTISTIC
CONSCIOUSNESS OF I.A. GONCHAROV: ON
MECHANISM OF CONSTRUCTING THE ORIENTAL
IMAGE IN WRITER'S PROSE OF 1850s*Keywords:* I.A. Goncharov, Russian literature, «Frigate “Pallas”», East, image system, analysis.

The East was the object of the Goncharov's authorial attention. In the novel «Obломov», as is known, there are oriental details, from the textbook «Persian gown» of the protagonist to «the fragrances of the East», which the cambric handkerchief of Volkov - the visitor of a rented apartment on Gorokhovaya Street - exuded. In the essays of the journey «Frigate “Pallas”» I.A. Goncharov describes in great detail the world of South-East Asia, its landscape and cultural features. These works are related in the deepest way. The task of the article was to understand the extent to which the reflection of the eastern realities interacts in the Goncharov's text with the conceptually authorial modeling of the East, in what way the East is a distant «foreign land», and in what it is a «well-known land».

А.У. Киньябулатов, Р.Р. Гареев, Л.М. Нурисламова,
А.А. ХазимановаСЛОЖНОСТИ НАПИСАНИЯ СТАТЬИ В БАШКИРСКОЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПО СТАНОВЛЕНИЮ ХИРУРГИИ В
РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН*Ключевые слова:* региональные энциклопедии, хирургия, справочники.

Башкирская энциклопедия (БЭ) является универсальным справочным изданием национально-регионального типа, охватывающим все стороны знаний о прошлом и настоящем Башкортостана, о его вкладе в развитие России и мировой цивилизации. Она состоит из 7 томов и включает свыше 17 тыс. статей, треть которых биографические. Из всего объема статей — 12% статей посвящены вопросам медицины и здравоохранения, наибольшие сложности в написании, редактировании, обсуждении и критических замечаний вызвала статья «Хирургия».

A.U. Kinyabulatonov, R.R. Gareev, L.M. Nurislamova,
A.A. HazimanovaPECULIARITIES OF WRITING THE ARTICLE IN THE
BASHKIR ENCYCLOPEDIA FOR THE FORMATION OF
SURGERY IN THE REPUBLIC*Keywords:* regional encyclopedias, surgery, reference books.

The Bashkir Encyclopaedia (BE) is a universal reference edition of the national-regional type, covering all aspects of knowledge about the past and present of Bashkortostan, its contribution to the development of Russia and world civilization. It consists of 7 volumes and includes over 17 thousand articles, a third of which are biographical. Of the total volume of articles - 12% of articles are devoted to medicine and health, the article "Surgery" caused the greatest difficulties in writing, editing, discussing and criticizing.

С.А. Ларин

«ГРАФИН С ВОДОЙ» ИЛИ «БУЛЬОННЫЕ ВАННЫ?»
(ИСКУШЕНИЯ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО
«СИЛЬФИДА»)

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, сальфиды, матримониальные мотивы, суицидальное поведение, гастрономическая семантика. В статье рассматривается один из наиболее дискуссионных вопросов поэтики повести В. Ф. Одоевского «Сильфида» – семантика образа заглавной героини. Особое внимание уделяется «гастрономическим» и «водным» мотивам, а также пространственно-временной организации текста. Анализ указанных элементов художественной структуры позволяет раскрыть подлинную сущность Сильфиды, появление которой в доме Михаила Платоновича было инспирировано воздействием темных сил, желающих отвести героя от жизни, погубить его душу и тело.

S.A. Larin

«THE CARAFE OF WATER» OR «BOUILLON BATHS?»
(THE TEMPTATION OF THE HERO IN ODOEVSKY'S
NOVEL «SILFIDA»)*Keywords:* V. F. Odoevsky, silfida, matrimonial motives, suicidal behaviour, gastronomic semantics.

The article discusses one of the most controversial issues of the poetics of «mystical» novel by V. F. Odoevsky «Silfida» – the semantics of the image of the title character. Particular attention is paid to the «gastronomic» and «water» motives, as well as the spatial and temporal organization of the text. The analysis of these elements of the literary structure reveals the true essence of the Silfida, the appearance of which in the house of Mikhail Platonovich was inspired by the influence of dark forces that want to turn the hero from life, to destroy his soul and his body.

О.В. Лескова

О ПОВЕСТИ П. В. ЗАСОДИМСКОГО «ОТЕЦ И ДОЧЬ»:
К 175-ЛЕТИЮ АВТОРА*Ключевые слова:* мотив, сюжет, повесть, герой.

В работе представлены результаты анализа повести П. В. Засодимского «Отец и дочь», размышления о связи этого мотива с моментами автобиографии писателя. На примере судьбы героини Сары Гальборх П. В. Засодимский делает попытку показать превосходство духовных ценностей над материальными через семейную трагедию, через отношения между родителями и детьми. Мотив бегства из семьи,

O.V. Leskova

ABOUT THE NOVEL "FATHER AND DAUGHTER" BY P.V.
ZASODIMSKY*Keywords:* Motif, plot, novel, character.

The motif of escape from the family in the novel "Father and daughter" by P. V. Zasodimsky is the key to understanding the plot. Sara Galborh plays the central role in the development of the motif. Zasodimsky makes an attempt to show the superiority of spiritual values over material through family tragedy. The motif of escape from the family develops according to the classical plot, in which the last meeting of the father and

присутствующий в повести, развивается по классической схеме, которая предполагает разрешение конфликта во время последней встречи отца и дочери через искренность и всепрощение. Повесть «Отец и дочь» продолжает традицию данного мотива, характерного для литературы второй половины XIX века.

А.Г. Сильчева

ЭОНИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ТРИЛОГИИ ДИНЫ РУБИНОЙ
«ЛЮДИ ВОЗДУХА»

Ключевые слова: реализм, Рубина, эон, категория времени. Статья посвящена рассмотрению новой категории в литературоведении - эона (эонического времени) на примере романов Дины Рубиной "Синдром Петрушки", "Белая голубка Кордобе", "Почерк Леонардо". Отличительная черта эонического времени - в одновременном существовании нескольких временных пластов в произведении, что позволяет говорить о магическом реализме Д. Рубиной.

А.А. Хазиманова, А.У. Киньябулатов, Л.М. Нурисламова,
Р.Р. Гареев

ОСОБЕННОСТИ НАПИСАНИЯ СТАТЕЙ ПО
МЕДИЦИНСКИМ НАУКАМ В БАШКИРСКОЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Ключевые слова: Большая медицинская энциклопедия, медицинский энциклопедический справочник, Башкирская энциклопедия.

После выхода в 1996 году первой региональной энциклопедии («Краткая энциклопедия Башкортостана») в Российской Федерации появилась необходимость координации редакционной работы при написании статей по медицинским наукам в 7-томном издании Башкирской энциклопедии (2005—2011 гг.), которые необходимо учитывать на начальной этапе подготовки региональных энциклопедических изданий.

Е.А. Ваняцкая

СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ДЕВОЧЕК ПРИ
ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Ключевые слова: специфические невербальные действия, коммуникант-девочка, эмоциональное общение, невербальное поведение младших школьников, англоязычная литература для детей.

В статье рассматриваются специфические невербальные действия, характерные для коммуникантов-девочек в ситуациях эмоционального общения. Отмечаются особенности данной разновидности невербального поведения младших школьников. Примеры взяты из англоязычной литературы для детей.

Р.В. Гатауллина, Л.Г. Чумарова, А.А. Ярхамова
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ
НЕПРИЯЗНЬ И НЕНАВИСТЬ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО,
АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: германские языки, образность, фразеологические единицы, сема, фразео-семантическая группа, межъязыковые соответствия.

Авторы исследуют фразеологические единицы, описывающие неприязнь и ненависть, как вербализации враждебной агрессии на фразеологическом уровне. В статье рассматривается компонентный состав, образность и семантические особенности ФЕ, характеризующих неприязнь и ненависть на примере двух генетически родственных германских и двух разнотипных языков, как немецкий, английский, русский и татарский языки. В статье представлены межъязыковые соответствия исследуемых фразеологизмов.

daughter is sincere and forgiving. The novel "Father and Daughter" continues the tradition of the motif, especially manifested in the second half of the XIX century.

A.G. Silcheva

THE EONIC TIME IN THE DINA RUBINA'S TRILOGY
"THE AIR PEOPLE"

Keywords: realism, Rubina, eon, category of time. The article is devoted to the analysis of the new category in literary studies - the eon (eonic time) on the example of Dina Rubina's novels "The Petrushka's syndrome", "The white dove of Cordobe" and "The Leonardo's writing". The specific characteristic of the eonic time is the simultaneous existence of the different time layers in the work, which shows the nature of magic realism by Dina Rubina.

A.A. Hazimanova, A.U. Kinyabulatov, L.M. Nurislamova,
R.R. Gareev

FEATURES OF WRITTING ARTICLES ON MEDICAL
SCIENCES IN THE BASHKIR ENCYCLOPEDIA

Keywords: Great medical encyclopedia, medical encyclopaedic reference book, Bashkir encyclopedia.

After the publication of the first regional encyclopedia ("Brief encyclopaedia of Bashkortostan") in 1996, a number of editorial questions arose in the Russian Federation when writing articles on medical sciences in the 7-volume edition of the Bashkir Encyclopedia (2005-2011), which must be taken into account at the initial stage of preparation regional encyclopedias.

E.A. Vansyatskaya

PECULIARITIES OF GIRL-SPEAKERS' NONVERBAL
ACTIONS WHILE SHOWING EMOTIONS (BASED ON
LITERARY WORKS FOR CHILDREN)

Keywords: specific nonverbal action, girl-speaker, emotional discourse, nonverbal school children's behavior, literary works for children.

The article describes specific nonverbal actions typical of girl-speakers in emotional discourse. The peculiarities of this kind of nonverbal school children's behavior are pointed out. The examples are taken from English literary works for children.

R.V. Gataullina, L.G. Chumarova, A.A. Yarkhamova
PHRASEOLOGICAL UNITS, CHARACTERIZING THE
DISLIKE AND HATRED (ON THE MATERIAL OF
GERMAN, ENGLISH, RUSSIAN AND TATAR
LANGUAGES)

Keywords: Germanic languages, figurativeness, phraseological units, sema, phraseosemantic group, the inter-lingual equivalents.

The authors of the article research the phraseological units, characterizing dislike and hatred as a verbalization of hostile aggression on the phraseological level. In the article it is analyzed semantic features and figurativeness of the phraseological units characterizing dislike and hatred on the example of two genetically related Germanic and two different-structural languages, such as German, English, Russian, and Tatar. The authors determine the inter-lingual equivalents of the investigated phraseological units.

У.А. Даржа

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОИЗВОДНЫХ НАРЕЧИЙ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: словообразовательная система; тувинский язык; производные наречия; мотивирующая основа, адвербиализация, словообразовательные аффиксы.

В статье рассматривается словообразовательная система производных наречий тувинского языка. По своей структуре производные наречия тувинского языка, как и в других языках, делятся на непр производные и производные. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что словообразовательные элементы тувинских производных наречий по своей сложности не уступают системе остальных частей речи и имеют свои специфические наречные средства.

Н.В. Егоршина, Ю.В. Шуйская

СТРУКТУРА ТЕКСТОВ В ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: ЕГЭ, сочинение, структура текста, радиальная, цепочечная, дихотомическая, дедуктивная, индуктивная.

Статья посвящена текстам, которые используются как основа для заданий части В и С Единого Государственного Экзамена по русскому языку. Рассмотрена их структура и особенности восприятия текстов учениками, отмечены потенциальные трудности в работе с текстами.

Р.М. Иксанова, Р.М. Миндияхметова

ЦЕННОСТНЫЙ КОД АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: динамика, ценности, американцы, лингвокультура, рекламный профиль компании, глобализация.

Статья посвящена исследованию динамики ценностей американского этносоциума в рекламной коммуникации. На материале авторекламы выявляются ценностные доминанты, подвергшиеся переосмыслению в связи с глобализационными процессами.

Ю.Н. Карьпкина

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИЙ В ПЕРИОД ДВОЕВЕРИЯ НА ПРИМЕРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ БОГ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ JUDGEMENT DAY II

Ключевые слова: номинация, концепт, картина мира, древнеанглийский язык.

В статье представлены результаты анализа лексико-семантической группы существительных со значением Бог на примере древнеанглийской поэмы Judgement Day II. Данный анализ помогает выявить особенности именованного одного из ключевых понятий в переходный период от язычества к христианству, характеризуемый Ю.С. Степановым как «период двоеверия». В ходе исследования применяются историко-этимологический метод, метод анализа словарных дефиниций и метод концептуального анализа.

Л.Б. Малкарбаева

ВВОДНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ПРОЦЕССЕ ВЫРАЖЕНИЯ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: эвиденциальность, прямая/косвенная эвиденциальность, информация, источник информации, вводные компоненты.

Статья раскрывает категорию косвенной эвиденциальности как важный компонент указания источника информации в процессе речевой деятельности. Фундамент работы составляют вводные компоненты, используемые в английской и татарской речи, в процессе получения информации непрямым путем. Рассматриваются особенности английских и татарских вводных компонентов в ходе выражения косвенной эвиденциальности.

U.A. Darzha

THE WORD-FORMING SYSTEM DERIVATIVE ADVERBS OF TUVINIAN LANGUAGE

Keywords: word formation system; Tuvan language; derived adverbs; motivating basis, adverbialization, derivational affixes. *The article deals with the word-formation system of derivative adverbs of the Tuvan language. In its structure, derivative adverbs of the Tuvan language, as in other languages, are divided into non-derivative and derivative. On the basis of the conducted research the author comes to the conclusion that word-formative elements of Tuvan derivatives of adverbs are not inferior to the system of other parts of speech in their complexity and have their own specific adverbial means.*

N.V. Egorshina, Yu.V. Shuyskaya

THE STRUCTURE OF THE TEXTS IN THE C PART OF UNITED STATE EXAM ON RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: United State Exam, Russian, structure, text, radial, chain, dichotomy.

The article is devoted to the texts given for analysis in B and C parts of United State Exam on Russian language. The text are analyzed in the terms of their structure, and some difficulties of perception and pupils' work are outlined.

R.M. Iksanova, R.M. Mindiakmetova

AXIOLOGICAL CODE OF AMERICAN LINGUOCULTURE IN ADVERTISING DISCOURSE: DIACHRONIC ASPECT

Keywords: dynamics, values, Americans, linguoculture, the advertising profile of a company, globalization.

The article considers dynamics of American values in the advertising discourse. A case study of car commercials identifies a set of values that have been reinterpreted within the context of global culture.

Yu.N. Karypkina

SPECIFIC FEATURES OF NOMINATION IN THE AGE OF DITHEISM WITH THE REFERENCE TO THE NOUNS WITH THE MEANING OF GOD IN THE OLD ENGLISH POEM JUDGEMENT DAY II

Keywords: nomination, concept, mapping of the world, Old English language.

This paper presents the results of the study of the lexico-semantic group of the nouns with the meaning of God with reference to the Old English poem Judgement Day II. The analysis helps to identify the peculiar features of nomination of one of the key concepts in the transition period from paganism to Christianity, characterized by Yu.S. Stepanov as "the period of ditheism". In the course of the study different methods are used, such as the historical-etymological method, the method of analysis of dictionary definitions and the method of conceptual analysis.

L.B. Malkarbaeva

PARENTHESES IN THE PROCESS OF EXPRESSING INDIRECT EVIDENTIALITY (ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND TATAR LANGUAGES)

Keywords: evidentiality, direct/indirect evidentiality, information, source of information, parenthesis.

The article reveals the category of indirect evidentiality as an important component of indicating the source of information in the process of speech activity. The basis of the work consists of parentheses used in English and Tatar speech in the process of obtaining information indirectly. The peculiarities of the English and Tatar parentheses during the expression of indirect evidentiality are considered.

М.В. Носкова
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В
АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, сопоставительный анализ, семантика, английский язык, русский язык.

В статье представлены результаты сопоставительного анализа специфики употребления лексико-семантической группы (далее ЛСГ) терминов родства на материале английского и русского языков.

Е.Е. Сафронова
РОЛЬ КОНЪЮНКТИВА I ПРИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
МАНИФЕСТАЦИИ ИМПЛИЦИТНОГО АВТОРА В
ФИКЦИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: имплицитный автор, нарратор, конъюнктив I, фикциональный дискурс, немецкая грамматика.

Представленная работа посвящена одной из наиболее важных проблем современной нарратологии – манифестации имплицитного автора. Структура Konjunktiv I используется в немецкоязычном дискурсе для передачи несобственно-авторского высказывания. На основании проведённого анализа можно сделать вывод о том, что употребление конъюнктива I указывает на наличие некой опосредующей субстанции, которая и осуществляет воспроизведение чужого высказывания.

Е.Е. Сафронова
ЭКСПЛИЦИТНАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ КАК
РАЗНОВИДНОСТЬ ЕГО ИМПЛИЦИТНОГО ПРИСУТСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Б. АКУНИНА «АЗАЗЕЛЬ»)

Ключевые слова: имплицитный читатель, нарратор, фикциональный дискурс, эксплицитный читатель, имплицитный автор.

В работе представлены результаты изучения эксплицитного изображения читателя, осуществляемого с помощью грамматических форм второго лица. На основании проведённого исследования можно сделать вывод о том, что эксплицитное изображение реципиента надстраивается над имплицитным и само по себе существовать не может.

А.А. Талицкая, М.В. Шаманова
ОБРАЗ ЯРОСЛАВЛЯ В МОЛОДЕЖНОМ ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

Ключевые слова: языковое сознание, психолингвистические методы исследования, ассоциативный эксперимент.

В статье рассматриваются вопросы психолингвистического описания имен собственных в языковом сознании. С помощью метода свободного ассоциативного эксперимента составлено ассоциативное поле лексемы Ярославль, выделены семантические группы внутри поля. Проводится сопоставление энциклопедических и экспериментальных данных.

О.И. Шарафутдинова
ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РОССИЙСКОГО ДИСКУРСА
ВЛАСТИ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: политическая коммуникация, дискурс власти, В. Путин, Послание Федеральному собранию.

В статье рассматривается проблема визуализации контента политической коммуникации на материале Послания Президента Федеральному собранию (01.03.2018). Данное выступление опубликовано на официальном интернет-ресурсе Президента РФ и представляет собой текст в сочетании с изображениями. Анализируется степень представленности визуального контента в выступлении, варианты презентации оратора на официальном интернет-ресурсе.

M.V. Noskova
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE KINSHIP TERMS
FUNCTIONING SPECIFICITY IN ENGLISH AND RUSSIAN
LANGUAGES

Keywords: lexical-semantic group, comparative analysis, semantics, English language, Russian language.

The article presents the results of the lexico-semantic group of kinship terms comparative analysis. The kinship terms functioning specificity in English and Russian languages has been still insufficiently studied.

E.E. Safronova
THE ROLE OF KONJUNKTIV I BY GRAMMATICAL
MANIFESTATION OF THE IMPLIED AUTHOR IN
FICTIONAL TEXT

Keywords: implied author, narrator, Konjunktiv I, fictional discourse, German grammar.

The present article is devoted to the one of the most urgent concerns of the modern narratology – the manifestation of the implied author. The structure Konjunktiv I is used within the discourse of the German language to render the free indirect speech. With reference to the performed study we can conclude that the usage of Konjunktiv I points out the presence of a mediating substance which provides the quoting of foreign speech.

E.E. Safronova
EXPLICIT MANIFESTATION OF THE READER AS A
VERSION OF ITS IMPLIED PRESENCE (ILLUSTRATED BY
THE NOVEL BY B. AKUNIN “AZAZEL”)

Keywords: implied reader, narratee, fictional discourse, explicit reader, implied author.

In the article the results of the study in explicit representation of the reader performed by means of the grammatical form of the second person. With reference to the performed study we can conclude that the explicit representation of the recipient is superstructured upon the implied one and can't exist by itself.

A.A. Talitskaya, M.V. Shamanova
THE IMAGE OF YAROSLAVL IN YOUTH LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF THE RESIDENTS OF THE REGION

Keywords: language consciousness, psycholinguistic research methods, associative experiment.

The article deals with the questions of psycholinguistic description of the proper names in language consciousness. Using the method of free associative experiment, the associative field of the lexeme Yaroslavl is composed, the semantic groups within the field are allocated. The encyclopedic and experimental data are compared.

O.I. Sharafutdinova
VISUAL COMPONENT OF RUSSIAN DISCOURSE OF
POWER IN A MEDIATED SOCIETY

Keywords: political communication, discourse of power, V. Putin, Message to the Federal Assembly.

The article is devoted to the problem of visualization of the content in political communication. The material of investigation is the President's Address to the Federal Assembly, which was held in 1st of March, 2018. This Address is published on the President's official Internet resource and includes text and images (photos). The degree of visual content representation in the text and versions of speaker's presentation on the official Internet resource are analyzed. The main variant of visibility is the President as a delegate of Russia's interests. Russia is represented not only by people, but also by abstract categories, by the symbols of the state or by the country. Another image is the unity of all forces around the President, the absence of a split in the top of society. The image of the President becomes the center of the association of the elite and the country.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№8 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 31.08.2018

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

5,15 усл.печ.л. 6 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2210.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»